

Дашко Дмитрий, Шалашов Евгений ТРОЦКИЙ И «АВРОРА»

Хата профессора была упакована по высшему разряду. Даже не верилось, что тут проживает светоч науки. В обычных домах обычных ученых, у которых Косте доводилось брать интервью, обстановка была совершенно иной — весьма заурядной, если не сказать хуже. Так... остатки былой роскоши советских времен: гэдэровские стенки, прибалтийские мягкие диваны, венгерские прихожие. Один знаменитый математик, совершивший пару лет назад переворот в «цифирной» отрасли знаний, вообще ночевал у мамы на раскладушке. Костя пытался раскрутить его на «эксклюзивчик», однако в итоге вернулся с пустыми руками — ученый откровенно послал всю съемочную группу по известному адресу.

Профессор Гнездилов принадлежал к новой формации ученых. Он обожал купаться в лучах славы и участвовать в пиар-кампаниях. Тем более если речь шла о знаменитом проекте, на который грохнули столько государственных средств, что цены на недвижимость в Лондоне сразу скакнули вверх.

— Нравится? — Гнездилов вальяжно обвел рукой помещение. — Мебель чиппендейловская*.

Костя машинально кивнул. Сам он довольно смутно представлял, что это значит. В голове возникли образы персонажей из диснеевского мультика про Чипа и Дейла, хотя вряд ли эта ушастая братва торговала стульями и журнальными столиками.

* Томас Чиппендейл — британский «Страдивари» мебели.

Профессор сказал что-то еще, но Костя пропустил его слова мимо ушей. Он искал подходящий ракурс для съемок.

В итоге остановились на кабинете. Там было не столь помпезно, хотя габариты впечатляли — куда больше Костиных личных апартаментов.

Охранник — двухметровый шкаф с пудовыми кулаками — с подозрением наблюдал за действиями телевизионщиков. На инструктаже ему приказали быть бдительным вдвойне. Совсем недавно арестовали шайку воров, которые под видом журналюг обносили богатые квартиры. Ситуация могла повториться. И пусть эту парочку телевизионщиков тщательно проверили, предосторожность никогда не была лишней.

Если бы Гнездилов жил в научном городке, охранять его было бы проще. Но профессор относился к немногочисленной когорте избранных и потому приносил службе безопасности массу дополнительных проблем.

Телевизионщиков амбал-телохранитель ни капельки не смущал. За годы работы они успели привыкнуть к любым условиям.

Было много возни с наладкой и настройкой аппаратуры. Пусть канал и считался центральным, техника у съемочных бригад осталась допотопной. Картинка и звук писались на пленку, камеры весили несколько килограммов, а если добавить прочее оборудование, выходило, что телевизионщики всегда ходили груженными, как заправские бойцы спецназа. Коллеги с других кнопок всегда над этим подтрунивали.

Наконец все было готово, остались финальные штрихи.

— Пушку доставай, — сказал Костя напарнику.

Охранник понятия не имевший, что «пушка» — это жаргонное название огромного микрофона с логотипом канала, услышав знакомое слово, среагировал так, как его учили. Не тратя ни секунды на ненужные

размышления, сначала вырубил Костю как самого потенциально опасного, следом его помощника.

Устранив «злодеев», поднес к губам рацию и принялся вызывать начальника охраны.

Потом ... потом были: «бо-бо» в раскалывавшейся на части голове, суетливые извинения Гнездилова («Надо же, нехорошо-то как получилось!»), бутылка хорошего виски («Это презент! Не вздумайте отказать — обижусь!») и самое главное — компенсация, о которой Костя даже не смел мечтать.

Спустя две недели его телефонным звонком пригласили на деловую встречу в элитный ресторан, расположенный в центре столицы.

Телевизионщик знал это заведение. Случайному человеку туда было не попасть, требовалось входить в узкий круг людей, наделенных деньгами, влиянием и властью.

Пренебрегать таким приглашением не стоило. К назначенному времени Костя сидел за столиком, а предупредительный официант в черном смокинге с белоснежной манишкой прямо из кожи лез, чтобы угодить дорогим гостям.

Приглашающей стороной был Яков Самуилович Троегубов — пожилой полноватый мужчина с умными еврейскими глазами и носом, формой и цветом напоминающим запеченную картофелину. Костя заранее навел о нем справки и выяснил, что Троегубов входил в число кураторов нескольких громких проектов, включая пресловутый «Наукоград». Никто точно не мог сказать, насколько далеко простираются его полномочия, но говорили о нем исключительно в уважительном тоне.

Держался чиновник на удивление демократично. Пожав Косте руку, помог сделать выбор в гигантском ресторанном меню. Пока блюда готовились, перекинулся несколькими общими фразами о погоде и лишь в конце — когда оба, плотно перекусив, откинулись

на спинки высоких стульев и закурили — заговорил о деле:

— Вас не удивляет мое приглашение?

— Более чем, — кивнул Костя. — Обычно я здесь не обедаю.

— По моим сведениям здесь вы находитесь в первый раз. Или моя база данных не полна?

Телевизионщик вздохнул:

— Вы правы, я тут впервые. — Он огляделся и резюмировал: — Шикарное место.

— Не столько шикарное, сколько спокойное. Тут можно говорить без риска, что тебе помешают. Кроме того, открою маленький секрет. Если вы пришли сюда с включенным диктофоном или со скрытой камерой, боюсь, что пользы от них не будет никакой. Ничего записать не удастся. Служба технической безопасности тут на высоте, а оборудование у нее практически не имеет аналогов в мире. Одна из последних разработок в сфере защиты информации.

Костя с грустной миной щелкнул в кармане кнопкой миниатюрного записывающего устройства. Троегубов явно не блефовал.

— Правильно, — одобрил чиновник. — Аккумуляторы целее будут.

— У меня накопилась масса вопросов, — потушив окурок в хрустальной пепельнице, сказал Костя.

— В таком случае я сначала отвечу на тот, что звучит примерно так: «Почему именно я?»

— Сделайте милость. Итак, почему я?

— Рекомендации, сударь, рекомендации. Без них в наше время все равно, что без рук. Нам потребовался специалист определенного профиля. Мне предложили несколько кандидатур. Человек, к мнению которого я прислушиваюсь, посоветовал обратиться к вам.

— Я знаю этого человека?

— Безусловно, знаете. Профессор Гнездилов весьма доволен недавним интервью. Очень хорошо о вас от-

звался. Говорил, что хочет еще загладить маленькое недоразумение.

— С этим мы разобрались. Не знаю пока: должен я благодарить господина Гнездилова или проклинать. Тогда следующий вопрос — зачем? В смысле, зачем вам понадобился специалист моего профиля?

— Не желаете потрудиться на нашу структуру? — Троегубов протянул визитную карточку, на которой было вытеснено всего два слова «Наукоград. Хронопутешествия».

Если первое из них Косте было понятным, то второе вызвало крайнее смущение.

— Что такое «хронопутешествия»?

На лице Троегубова появилась добродушная улыбка.

— По-моему, слово говорит само за себя. Путешествия во времени. Что тут непонятного?

— Разыгрываете, — обиделся Костя.

— С чего бы?! — удивился Троегубов. — Сегодня не первое апреля, и я не цирковой рыжий. Все, что будет мной сказано — вообще является государственной тайной.

— Ого! — Телевизионщик подобрался, как хищник перед прыжком. — Вы, наверное, сейчас с меня подписку о неразглашении возьмете.

Собеседник рассмеялся.

— Подписка не потребуется.

Он посерьезнел:

— Все формальности потом. Просто намотайте на ус, что с этого момента ваша жизнь круто изменилась.

— А если я не хочу? — нахмурился Костя. — Меня моя жизнь вполне устраивала.

— Уже не важно. Вам повезло. И вы даже не представляете насколько! Такой шанс выпадает один раз на миллион. Другой, оказавшись на вашем месте, душу бы продал. Если она у него есть, конечно.

— Так вам моя душа требуется? — прищурился Костя.

— Исключительно ваши профессиональные навыки. Что бы ни говорили и ни писали о Наукограде, результатов мы добились: открыли способ перемещения во времени, основанный на нанотехнологиях.

Костя хмыкнул. Троегубов понимающе кивнул:

— Вы, я так понимаю, в научных терминах разбываетесь слабо?

— Мягко сказано. Из школьного курса физики помню только то, что Ньютону на голову упало яблоко, а из биологии в память врезались разве что пестики с тычинками.

— Ну, хоть какой-то базис, — засмеялся Троегубов. Чиновник доверительно подвинулся:

— Мы первоначально работали над проблемой телепортации. Знаете, что это?

— Мгновенное перемещение в пространстве. Вошел в кабинку в деревне Гадюкино, вышел в Нью-Йорке. Как-то так.

— Увы, с перемещением в пространстве ничего не вышло. Зато мы смогли перемещать объекты во времени. Правда, только в прошлое и на короткий срок. Пока что потолок сутки, но мы над этим работаем.

— Невероятно, — потер загудевшие виски Костя. — Вы точно меня не разыгрываете?

— Собирайтесь, — шумно выдохнул Троегубов.

На выходе из ресторана их ждал черный «БМВ» с правительственными номерами. Как только пассажиры разместились в комфортабельном салоне, автомобиль резко рванул с места и понесся, мигая «ведерком» на крыше и воя сиреной. Затем вырулил на Рублевское шоссе и сбавил скорость.

Наконец «БМВ», шурша покрышками, подкатил к огромному зданию из стекла и бетона.

У входа никого не было. Собственно и входа Костя не обнаружил. Под бетонным козырьком была казавшаяся монолитной серая стена.

Из стены выехало миниатюрное устройство вроде банковского картоприемника. Троегубов вставил в щель пластиковый прямоугольник.

«Стена» разъехалась, открывая проход, в котором замерли автоматчики в шлемах-сферах и бронежилетах.

— Со мной, — коротко бросил им Троегубов. — Доступ «А», высшая категория.

Они оказались в длинном безлюдном коридоре. Шаги гулким эхом отражались от высоких стен и потолка.

— Куда вы меня ведете? — спросил Костя.

— Здесь находится главный лабораторный корпус компании, — сообщил Троегубов. — Пожалуй, вы первый из медийщиков, которому удалось сюда попасть.

— Спасибо за доверие, — хмыкнул Костя.

— Благодарить потом будете, — лениво отозвался чиновник. — Сейчас мы идем в медицинский отсек. С вас снимут биопаспорт и поставят датчики.

— Жучки?

— И это тоже.

Перед тем как отвести в святая святых, Костю засунули в камеру, похожую на душевую кабинку.

— Не бойтесь. Процедура совершенно безболезненная. Мы должны ликвидировать внешнюю агрессивную микрофлору. У нас поддерживается идеальная стерильность, — пояснил Троегубов.

Его поместили в другую камеру.

Створки захлопнулись. За стеной послышался глухой звук, замигали разноцветные лампочки. На короткое время «душ» превратился в «солярий».

— Можете выходить, — раздался невидимый голос.

Лишившийся вредных бактерий Костя с удовольствием покинул кабинку. Его встретила миловидная женщина в белоснежном халате.

— Пройдемте со мной, — сказала она.

Костю уложили на кушетку, опутали проводами. Он вдруг представил себе, что по ошибке через него про-

пускают повышенный разряд тока, и непроизвольно дернулся.

— Не делайте резких движений, — попросила женщина-медик. — Иначе придется все повторить сначала.

Телевизионщик послушно расслабился, зажмурился и представил, что он бревно. Совершенно безучастное к своей и чужой участи. Неожиданно он почувствовал легкий, похожий на комариный укус, укол.

Игла инъектора, шипя, убралась от его руки.

— Что это было? — потирая место укола, спросил Костя.

— Колония наноботов, — пояснила медик. — Ее прививают всем служащим компании. Теперь у вас повышенный иммунитет ко многим заболеваниям. Кроме того вы теперь получили полноценный пропуск. Не уровня «А», конечно, но достаточно высокий.

— Позвольте, но я не работаю на компанию, — возмутился Костя.

— Теперь работаете, — невозмутимо ответила женщина. — Руку постарайтесь не расчесывать. Легкий зуд пройдет минут через пять-десять.

В медицинский отдел зашел Троегубов. Он довольно улыбался.

— Яков Самуилович, что за ерунда! — обратился к нему Костя. — Я пока не выказывал желания работать на компанию. Это произвол какой-то!

— Не какой-то, а самый настоящий произвол, — подтвердил чиновник. — Решение было принято за вас. За прививку не переживайте, это что-то вроде системы распознавания «свой-чужой». Никакого вреда, кроме пользы. Немного погодя сумеете оценить все плюсы по достоинству.

— Но как же так!

— Перестаньте, Константин Петрович! Знаете, пока никто не жаловался, особенно после того, как получал контракт на руки. Уверен, вы тоже не станете

переживать по этому поводу. Теперь я могу вас как полноценного сотрудника компании «Наукоград. Хронопутешествия» доставить в нашу «процедурную».

Костю аж передернуло. Воображение нарисовало ему картинку одну хуже другой.

— Не пугайтесь. Ничего страшного там не происходит. Именно оттуда и начинается путешествие во времени. Все в высшей степени безопасно. Во всяком случае, для сотрудников компании.

В процедурной Костя познакомился с двумя крепкими поджарыми мужиками. Одеты они были весьма необычно. Один в кольчугу и остроконечный шлем, а второй в камзол века этак восемнадцатого, треуголку и длинный парик.

— Наши испытатели, — пояснил Троегубов. — Так сказать, хрононавты. Люди, которые своими глазами видели динозавров, строительство пирамиды Хеопса и битву на Куликовом поле. Куда путь держите на этот раз? — обратился он к ним.

Латник пожал плечами:

— Да вот, хотим проверить правду о Чудском побоище. Историки сомневаются.

— Не много ль на тебе железа навешано? — прищурился Троегубов. — Ты с таким весом нам все фонды разбазаришь.

— Иначе нельзя, — взгрустнул латник. — Если в сечу попаду, только на кольчугу да шлем надежа. Фехтовальщик из меня, Яков Самуилович, сами знаете — аховый.

— А я за завещанием Екатерины Первой, — пояснил другой хрононавт. — Яйцеголовым интересно, что в нем было написано. Дала она дочери своей Елизавете право на престол или обломала — вот в чем вопрос!

— Вы что — похитите исторический документ? — поразился Костя.

— Что вы?! Фотокопию сделаю и обратно, — сказал хрононавт.

— Парик бы хоть снял или не столь пуделеватый бы надел! — взъелся на него чиновник. — Ведь каждый грамм массы на вес золота получается. Как пить дать все фонды ухайдакаете! С тебя взять нечего, а мне потом перед Самим ответ держать!

— Мода такая, — попытался оправдаться путешественник во времени.

— Плевать на моду. Без парика езжай. Камзол с тебя снимать не буду, но исподнее все же тут оставь. Тебя надолго отправляют?

— Часа на четыре.

— За три с половиной управишься.

— Яков Самуилович...

— Что «Яков Самуилович»?! — передразнил его чиновник. — Твоя поездка нам тыщ в пятьсот евро обойдется. А у меня лимит. И не резиновый, между прочим. Уже в этом месяце на пять процентов превышения идем. Чего смотришь?! Исподнее снимай. Без трусов к Катерине скатаешься. Чай, если что, не в первый раз мужское хозяйство увидит.

— А как же Федька? Ему даже в латах разрешили, — забубнил незадачливый охотник за завещанием.

— Потому что он башкой своей рискует, а ты задницей, — объяснил Троегубов. — Все, мужики. Давайте по-быстренькому. Одна нога, значит, здесь, вторая — в нужном месте.

Перед хронопутешественниками поставили маленькие подносы, на которых лежали два предмета: небольшая таблетка и стаканчик с прозрачной жидкостью. Скорее всего — с водой.

— Жаль, чем-то посущественней запивать не разрешаете, — вздохнул Федя. — Горилкой, например.

— Вот будешь клиентом, выложишь свои кровные — тогда хоть горилкой, хоть «смирновкой», хоть виски с содовой. А пока прими чистейшее H₂O и скажи спасибо, что не из-под крана, — пробурчал чиновник. — Облегчились перед дорожкой?

— Обижаете, — пробурчал Федя. — И по-большому, и по-маленькому. Что мы дети какие?!

— Хуже, — отрезал чиновник. — Те хоть быстро понимают, а до вас, как до динозавров, доходит.

Телевизионщику было забавно наблюдать за открывшимся с другой стороны Троегубовым. Совсем недавно в элитном кабаке он вел себя, как Крез — заказал все самое дорогое и отвалил официанту столько чаевых, сколько Костя получал за неделю работы. А сейчас какие-то «фонды», «лимиты». Если речь шла о государственных деньгах, то с ними обычно не церемонились. Похоже, «Наукоград. Хронопутешествия» — действительно необычная компания.

Подопечные Троегубова со страдальческими гримасами проглотили таблетки, запили водой. Все было как-то обыденно — без шума и фанфар, словно люди не в прошлое собирались, а в магазин за углом.

Костя с интересом следил за дальнейшим развитием событий.

— Что это за таблетки? — спросил он у Троегубова.

— Грубо говоря, они выполняют функцию настройки организма перед его расщеплением на мириады мельчайших частиц. Что-то вроде программного кода. А еще в таблетках заложен «якорь», который возвращает путешественника в свое время.

— И каков же срок действия?

— Я вам уже рассказывал, что не более суток. Но порог преодолим. Мы над этим работаем.

Из «процедурной» путешественники во времени вошли в другую комнату — узкую и вытянутую. Вдоль стен лежало несколько полупрозрачных пеналов, нечто похожее Костя видел в женских салонах красоты.

— Это и есть ваши капсулы для перемещения во времени?

— Да, — кивнул Троегубов.

Хрононавты заняли по отдельному пеналу. За каждым из будущих путешественников можно было

наблюдать через огромный, висящий на стене монитор.

Первым исчез Федя. Он растворился, будто сахар в чае, не оставив после себя и следов.

— Кажись, и у меня действует, — донеслось из динамиков. Это, прислушавшись к внутренним процессам своего организма, изрек второй испытатель.

И тут же пропал из видимости.

— Фантастика! — воскликнул Костя.

— Наука! — парировал Яков Самуилович и с шумом вытер бумажной салфеткой лицо. — Я с ними, бездельниками, похудел. Родная мать не узнает, — зачем-то пожаловался он.

Последняя реплика навела нового сотрудника «Наукоград. Хронопутешествия» на мысль:

— А почему вы столько внимания уделили их весу?

— Потому что отправка каждого килограмма поклажи, включая одежду, обходится в огромную сумму. Раньше с этим полегче было, тратили на исследования и испытания сколько угодно, но сейчас к нам Счетная палата привязалась. Дескать, нечего транжирить бюджетные ассигнования. Поневоле приходится экономить.

— Ну и насколько это безопасно — путешествовать во времени?

— Да как сказать, Константин Петрович: все зависит от конкретного места и человека. Один на ровном месте шею свернет, другой с «Титаника» спасется. Главное — продержаться до момента срабатывания «якоря». Он обязательно вернет вас обратно. Причем неважно — живого или мертвого, — вполголоса добавил чиновник.

В Кости прорезался профессиональный интерес:

— Выходит, смертельные случаи бывали?

— Бывали. Наука требует жертв, — кивнул Троегузов. — Но мы работаем над минимизацией человеческих потерь. Теперь, предвосхищая следующий

вопрос, поясню, почему чиновник моего ранга занимается всем этим безобразием.

— Действительно, почему?

— Деньги ... Удовольствие пока слишком дорогое. Чтобы понапрасну не разбазарили, приходится держать руку на пульсе. А теперь пройдемте, покажу еще парочку занимательных вещей.

Несмотря на все доказательства, Костя все еще не верил. Где-то в глубине души по-прежнему думал, что разыгрывают, смеются. По-настоящему поверил только тогда, когда попал в кабинет главы фирмы «Наукоград. Хронопутешествия» и увидел в кресле директора... бывшего президента страны, который теперь был премьер-министром.

Он был ошеломлен уровнем, на который его допустили. Личная встреча тет-а-тет с премьером казалась еще более невероятной, нежели то, чем занималась компания «Наукоград. Хронопутешествия».

— Охотно верю, — с легкостью согласился собеседник. — Тем не менее это правда. Нанотехнологии действительно смогли приоткрыть нам пусть узенькую, но все же калитку в прошлое. Мы долго инвестировали в науку, пришла пора пожинать урожай. Другие страны зарабатывают на обычном туризме, мы же хотим предложить невиданное доселе развлечение — путешествия во времени. Как только публика раскусит, что это такое, отбоя от желающих не будет. Первая презентации состоится в Давосе.

Набравшись храбрости, телевизионщик спросил:

— А что бы вы конкретно хотели увидеть в моей работе? Мне было бы легче сориентироваться.

Немного подумав, директор пояснил:

— Это должна быть эффектное и в то же время всем известное событие. Какой-то переломный исторический момент. И вы должны преподать его так, чтобы никто даже не усомнился в реальности съемок. Без всякой там компьютерной графики, актеров и реконструкций. Справитесь?

— Справлюсь!

— Тогда не стану вас держать. — Собеседник протянул на прощание мускулистую руку профессионального борца.

Большинство семейных работников жило в собственных мини-коттеджах на территории закрытого поселка. Холостяки получали вполне комфортабельные комнаты в гостинице. Не «Хилтон», но довольно неплохо, а по сравнению с Костиным жилищем, так вообще рай.

В номере был компьютер с выходом в Интернет, однако стоило только пробежаться по клавишам, как на экране высветилась предупреждающая надпись. Судя по всему, вся исходящая информация проходила предварительное фильтрование. Наверняка какая-то грамотная программа следила за тем, чтобы постояльцы не разболтали лишнее. После увиденных чудес с перемещением во времени Костя ожидал чего-то подобного.

Естественно, доступ к социальным сетям и бесплатным почтовым ящикам был обрублен. Телевизионщика это не удивило. На прежней работе начальство тоже предпочитало ограничивать своих сотрудников от лишней траты времени и ресурсов.

Сотовый тоже был бесполезен. Позвонить или проверить почту не представлялось возможным. Вся «левая» связь глушилась, о чем Костю заранее предупредил Яков Самуилович. Ничего не поделаешь — режим секретности. Пиарить проект будут чуть позже, и чем меньше информации о нем просочится до заветного часа «икс», тем больше шороху он наведет в нужный момент. И уж тем более нежелательно, чтобы кто-то начал бы «сливать» технологическую документацию на сторону. Чтобы заранее отбить позывы к работе на чужого дядю, «Наукоград. Хронопутешествия» использовало оба метода — и кнута, и пряника. А уж насколько сладким был этот «пряник», Костя узнал,

когда ему сообщили сумму его оклада и премиальных за выполненное задание.

Кстати, о задании. Он долго ломал голову, выбирая подходящий исторический момент. «Иностранные» командировки забраковал сразу, ибо языками владел слабо. Из латыни знал только «дум, спиро, сперо», а с таким словарным багажом где-нибудь на гладиаторских боях Древнего Рима или, скажем, в эпицентре спартаковского мятежа делать было нечего.

История Туманного Альбиона тоже не катила. Школьный английский репортера напрочь стерся из памяти. Осталась разве что коронная фраза Шварценеггера «I'll be back» и несколько примитивных ругательств из голливудских фильмов.

У французов были якобинцы, гильотины, гавроши и парижские коммунары, но Костю они никогда не интересовали.

Перебрав все, что вынес из школьных уроков, книг и газет, он решил остановиться на богатом историческими событиями прошлом родины.

«Кто соберется в Давосе?» — размышлял Костя. Нормальных людей там точно не будет, только жирные коты. Богатеи, воротилы, олигархи, жулики, спекулянты и прочая сволочь. Что бы им показать такое, чтобы их пробрало аж до печенки?

Ну конечно... Штурм Зимнего! В 3D!

Лучшего варианта не придумаешь! У доброй половины доморощенных миллиардеров точно в одном месте заиграет, когда они увидят революционно настроенные массы, берущие приступом цитадель отечественного буржуизма. А про забугорных бизнесменов и говорить нечего. Эти точно обгадятся.

Костя зажмурился. Ему вспомнился рассказ прадеда (Костю даже называли в его честь). Тот воевал в Первую мировую, был тяжело ранен на фронте, попал в Питер, где лежал в госпитале и лечился. Поневоле прадед стал участником легендарных событий.

— Приходят ко мне, дают винтовку и говорят: «Беги!» Ну, я и побежал, — рассказывал прадедушка, сумевший дожить до преклонных лет.

Решено. Ноябрь, а вернее — октябрь по старому стилю — 1917 года. Большевики берут приступом Зимний дворец, в котором засело Временное правительство. Совсем как в черно-белой кинокартине «Ленин в Октябре».

Костя снова полез в Интернет, разумно полагая, что во всемирной помойке можно разыскать все, что угодно. Хватило его ненадолго. Информации было море, но стройной картинки не вырисовывалось. Мемуары и воспоминания очевидцев настолько противоречили друг другу, что в один момент Костя даже засомневался: а был ли мальчик? Потом одернул себя. Был и никаких гвоздей!

Троегубов одобрил выбор.

— Пожалуй, это будет идеальный вариант. Событие эпохальное и масштабное. Вижу, что я в вас не ошибся.

Костя, окрыленный этим известием, перешел к обдумыванию технической стороны дела. С этим все обстояло отнюдь не так просто, как могло показаться.

Для начала стоило обзавестись приличной аппаратурой и выбрать оптимальный ракурс для съемки. Ему удалось выбить командировку в город трех революций — Питер, и он долго бродил по Дворцовой площади и Эрмитажу. За его спиной тенью скользили двое невзрачных и абсолютно ничем не примечательных мужчин из службы внутренней безопасности — то ли оберегали от возможной опасности, то ли просто пасли на предмет неосторожных выходов.

Костя относился к довольно обширной категории людей, получивших некогда презрительное прозвище «лимита». Родом он был из глухой провинции, прославившейся разве что продукцией металлургической промышленности и химией. Сразу несколько огром-

ных заводов дымило под боком, а пейзаж в некоторых местах был очень похож на апокалиптический. О том, что небо бывает оранжевого цвета не только в видениях обдолбанного наркомана, Костя знал не понаслышке.

Причудливые зигзаги жизненного пути привели его из провинции в столицу. Там он как-то обустроился, наладил относительно сносное существование. Однако, подобно многим «лимитчикам», не испытывал к Москве особой привязанности. Этот грязный шумный город с экологией, мало уступавшей промышленным центрам, ему никогда не нравился. Он казался бестолковым, чересчур суматошным и выглядел пестрой инородной заплаткой на «тканевом» фоне остальной России.

Зато Питер... В глазах Кости этот город был абсолютно другим.

Здесь пахло морем и историей. Тут не было пластикового псевдоевропейского лоска Москвы, от которого воротило скулы. Ее кичливого богатства, чванства, заносчивости, ненужной помпезности. Здесь каждый камень на мостовой был свидетелем выдающихся событий. Костя вдруг понял, что ему и самому очень хочется стать «глазами» хотя бы одного из них.

«Наверное, Яков Самуилович прав. Мне действительно посчастливилось», — подумал он перед отъездом в Сколково.

В Научнограде его уже ждал озабоченный Троегубов, у которого опять были какие-то проблемы со сроками, лимитами и фондами.

Костя коротенько изложил ему свои соображения.

Самым идеальным вариантом была работа с нескольких точек, но для этого требовались как минимум два оператора или довольно сложный автоматический комплекс, вроде тех, которые используют в студиях при записи различного рода шоу.

Яков Самуилович забраковал оба варианта.

— Слишком дорого. Сейчас мы не можем себе этого позволить.

— Но ведь это очень важно для раскрутки проекта! — резонно заметил Костя. — В таких случаях не принято экономить.

— Тем не менее у нас есть утвержденный бюджет. Срезать ассигнования нам могут запросто, а вот повышать точно не будут, — грустно произнес Яков Самуилович. — Можете для успокоения совести подергаться, но результат будет отрицательным. Уж поверьте мне и не тратьте свое и чужое время.

— В таком случае я не могу гарантировать результат! — в сердцах воскликнул Костя.

Лицо Якова Самуиловича стало хищным и жестоким.

— Пожалуйста, хорошо обдумывайте ваши слова, а уже потом говорите! После нескольких случаев невыполнения производственного задания начальство решило ввести систему штрафов. А то некоторые хрононавты использовали оборудование в корыстных целях, при этом срывая графики и планы.

— А я-то тут при чем?!

— При всем! Вы подрались на работу, и обязаны выполнить ее в установленном объеме и в срок. В противном случае компания может сделать так, что вы останетесь без последних штанов. Потому впредь не разбрасывайтесь подобными заявлениями.

После такой накачки Косте не оставалось ничего другого, кроме как напиться. Он зашел в один из уютных мини-баров на территории научного комплекса. Здесь персонал отходил после стрессов и сбрасывал негативные эмоции.

Бар пустовал. Посетителей было немного. Рабочий день еще не закончился, но через пару часов народу набьется столько, что яблоку будет не упасть.

Костя сделал вполне традиционный заказ: полулитровый графинчик водки, легкая закуска и минералка

без газов. Пить в одиночку ему не нравилось, но он пробыл в Наукограде слишком мало времени, чтобы успеть обзавестись друзьями.

Выбрав столик в самом углу, телевизионщик плюхнулся в мягкое кресло и расстегнул ворот рубахи. Посмотрев по сторонам, он вдруг обнаружил знакомое лицо. В другом конце зала сидела женщина-медик. Перед ней стояла откупоренная бутылка с коньяком.

Недолго думая, Костя подсел к ней, не потрудившись спросить разрешения.

Женщина подняла на него мутный взгляд красивых глаз:

— Это вы? Новенький...

— Я, — не стал отпираться Костя. — Извините что так, без церемоний.

— Не надо, — попросила она.

— Простите, что? — не понял он.

— Извиняться не надо. Женщины этого не любят.

— Как скажете, — пожал плечами Костя.

Ему в принципе было все равно.

— Почему вы так на меня смотрите? — вдруг спросила она.

— Как?

— Странно. Будто препарируете.

— Наверное, это профессиональное. Я ведь на телевидении раньше работал.

— Ясно, — кивнула она. — А еще у вас во взгляде какое-то удивление.

Костя усмехнулся.

— Это, наверное, от того, что я привык видеть, как медики глушат разведенный спирт, а вы вот коньяк дорогой пьете, — неуклюже пошутил он.

— Я бы и спирт с удовольствием жажнула. Тем более сейчас. Глотаю коньяк, и вкуса не чувствую. Пью словно воду.

— Что-то случилось?

Женщина задумчиво опрокинула пустую коньячную рюмку на бок, прокатила пальцем по накрахмаленной скатерти.

— Как вам сказать... Конечно, случилось. Один мой хороший друг, почти жених, сегодня из прошлого по частям вернулся.

— То есть как — по частям? — потрясенно спросил Костя.

— Очень просто. Его какой-то хищник убил и жрать начал. «Якорь» вернул только то, что окончательно не успело перевариться. Зрелище отвратительное, можете мне поверить, а я всякого насмотреться успела.

— Базалыгин? — предположил Костя.

— Что? — женщина вздрогнула, будто очнулась. — А, Базалыгин... Нет, с ним-то как раз все в порядке. Он хоть и вечно влипает в истории, но возвращается живым. А моему вот не повезло. Что мне теперь прикажете делать?

Вместо ответа Костя поднял ее рюмку, налил доверху коньяком и поднес к губам женщины.

— Лекарство неважноецкое, но уж какое есть. Меня, кстати, Костей зовут.

— Маргарита. Можешь звать просто Ритой.

Ночевали они в ее гостиничном номере. Утром оба почувствовали какую-то неловкость друг перед другом. Было стыдно смотреть друг другу в глаза.

Неуклюже попрощавшись и пообещав заглянуть при случае, Костя отправился в выделенный ему кабинет. Вчерашний образ Риты не выходил у него из головы.

«Неужели влюбился?» — Он захлопнул ноутбук, зачем-то поворошил перекидной настольный календарь, сунул в рот авторучку и принялся грызть пластиковый колпачок. Это помогло привести порядком растрепанные чувства в норму.

После обеда его вызвали к Троегубову.

Яков Самуилович, вальяжно расположившийся в шикарном кожаном кресле, сделал приглашающий жест рукой:

— Садитесь, Константин.

— Спасибо.

Костя сел так, чтобы занять как можно меньше места.

На столе Троегубова завибрировала трубка телефона.

— Одну минутку.

Яков Самуилович перекинулся несколькими короткими фразами с невидимым собеседником, а потом снова обратил внимание на тележурналиста.

— В общем, есть вариант увеличить бюджет. Есть спонсор — партнер проекта. Он согласен оплатить дополнительные расходы при скромном условии.

— Что за спонсор и что за условие?

— Страховая компания, которая будет компенсировать риски будущих хронопутешественников. Они знают, что вы отправляетесь в семнадцатый год прошлого века.

— И что им нужно? — спросил журналист, чуя подвох.

— В общем, страховщики хотят, чтобы вам удалось заснять Ильича, который с броневика произнесет их рекламный слоган.

— Вся власть советам, что ли? — не понял Костя.

Другие лозунги из уст великого вождя революции ему просто не приходили в голову, разве что еще «Учиться, учиться и еще раз — учиться!», но, право слово, как это увязать со страховщиками?

— Само собой — нет, — захихикал Троегубов. — «Первая страховая — первая всегда и во всем».

— Вы на полном серьезе хотите, чтобы я уговорил Ленина произнести это, да еще с броневика? — не поверил своим ушам Костя.

— Что тут такого? — вполне искренно удивился Троегубов. — Если подойти к вопросу грамотно, вполне реально эту фразу вставить в программную речь. Поговорите с пиар-менеджером Ленина, пообещайте

ему чего-нибудь, лапши на уши навешайте. Вы, в конце концов, журналист...

Костя отрицательно покачал головой.

— Я пас.

— Тогда забудьте о дополнительном снаряжении, — огрызнулся чиновник.

Очевидно, он рассчитывал на свои коммиссионные в этом щекотливом деле.

— Максимум, что я могу для вас выбить — семь килограммов веса, включая одежду и обувь. Постарайтесь уложиться.

После визита к Троегубову, Костя посетил отдел, занимающийся экипировкой путешественников во времени, и сделал заказ. Там ему обещали изготовить «куклу» — макет древнего киноаппарата, в которую вмонтировали японскую цифровую камеру. Телевизионщик решил, что это будет лучшей маскировкой. В прошлое он решил отправиться под личиной оператора, занимающегося документальной кинохроникой. Так будет проще снимать, не вызывая лишних вопросов.

— Учтите, что стоимость потерянного или разбитого по вашей вине имущества будет вычтена у вас из зарплаты, — предупредил его начальник отдела.

Костя печально вздохнул. Хотелось послать все к лешему, однако было поздно.

Вечером без приглашения пришла Рита.

— Ничего, что я так — хуже татарина? — тихо спросила она.

— Наоборот. Ты просто меня опередила. Я сам было к тебе собрался, — соврал Костя.

— Вот те раз! Жаль, что я раньше об этом не знала. Сохранила бы остатки репутации, — засмеялась она.

Прежняя скованность между ними исчезла. Ночью он уже знал наверняка, что любит эту женщину.

«Куклу» изготовили в срок. Веса она немного, однако Костя с ужасом понял, что выделенные семь

килограммов веса серьезно ограничивают его возможности.

Удалось раздобыть несколько мини-камер (подстраховка не помешает). Одну вставили в пуговицу его пиджака (Костя хотел изобразить человека творческой профессии и потому выбрал наряд неброский, но вполне интеллигентный на вид), вторую — в зажигалку (это уже было личное требование курящего Константина).

Чтобы случайный патруль имел меньше поводов докопаться, готовящемуся к переброске в прошлое тележурналисту состряпали паспорт с видом на жительство. Костя решил «легализоваться» под собственными ФИО — в этом случае он гарантированно не засыпется, когда кто-то поинтересуется его именем или фамилией.

Чтобы не разрушить образ, ему дали визитку, которая представляла Иванова Константина Петровича как выдающегося представителя творческой интеллигенции.

Без денег было не обойтись. Хрононавт не знал, что он может купить на выданную пачку «керенок», но догадывался, что особо не пощикуешь. Когда-то этими бумажками обклеивали стены в сортирах, так что покупательная способность могла колебаться в районе «нуля», а то и вообще в области отрицательных значений.

Была еще одна вещь, которую он затребовал на свой страх и риск. В это время в столице ввели сухой закон, и прихваченная «контрабандой» фляжка с водкой могла оказаться лучшей валютой.

На остальном пришлось экономить. Взять, к примеру, такой важнейший агрегат для хронопутешественника как часы. Характерный для той эпохи тяжелый брегет на цепочке Костя позволить себе уже не мог. Пришлось, наплевав на все условности, нацепить миниатюрные ручные часы китайского производства. В

конце концов, ему отведены всего лишь сутки — авось обойдется!

Перед «процедурной» ему снова пришлось «попариться» в фильтрационной камере. Еще только не хватало занести к предкам болезнетворные бактерии из будущего, с которыми они никогда не сумеют справиться. Там журналист снова встретился с Ритой.

Женщина держалась на удивление строго и серьезно. Даже не верилось, что совсем недавно они весело барахтались в кровати.

А ведь она сейчас может мысленно прощаться со мной, как с тем, кто был у нее до меня, решил про себя Костя.

— Ты что, отправишься туда в этом? — Рита покосилась на его невзрачный пиджачок.

— Да. А что?

— Холодно будет. Подожди.

Она вынесла черную слегка потертую кожаную куртку и протянула Косте.

Он смутился.

— Ты что? Это же кожанка, она очень тяжелая.

— Не переживай. Куртка легкая, потому что кожа искусственная: ее в соседней лаборатории разработали. Накинь, не то простудишься.

— Спасибо, — сказал он и поцеловал Риту в губы.

— Ты, главное, вернись, — попросила женщина.

В «процедурную» Костя прибыл в состоянии близком к легкому мандражу. Руки и ноги тряслись, желудок предательски сжимался, к горлу подкатывали неприятные комки.

Ему на блюде вынесли «якорь» с нанокристаллами, дали стандартный стакан с водой. Косте вдруг захотелось запить «лекарство» чем-то покрепче.

— Удачи! — пожелал Троегубов. — Помните, что на вас возложены большие надежды. Постарайтесь их оправдать. Не то...

— Знаю — штрафы и вычеты, — кивнул Костя.

Он проглотил таблетку, почувствовал, как она движется в пищеводе, потом падает в пустой желудок (пришлось пройти через промывание и прочие неприятные процедуры, позволявшие сэкономить вес). Интересно, будет больно или нет?

Ответ на этот вопрос он узнал скоро. Больно не было.

Покачиваясь, добрался до капсулы. Прозрачный «фонарь» отрезал его от остального мира. Осталось немного, чуть-чуть...

Небольшая рябь перед глазами, легкое головокружение и вуаля — Костя оказался возле облицованной гранитом набережной Невы, посреди Петрограда образца осени тысяча девятьсот семнадцатого года.

Была глубокая ночь, но улицы отнюдь не пустовали. По темным улицам сновали подозрительные и не очень личности, пару раз протарахтели смешные легковые авто. Костя даже вспомнил марку. Это были «Руссо-балты».

Проехал грузовичок, в кузове которого тряслись не то красногвардейцы, не то их злейшие враги — юнкера, хотя по факту (Костя читал об этом в Интернете) можно было еще поспорить, чьи взгляды были революционной и радикальней. Местами господа юнкера могли дать хорошую фору любому большевистскому агитатору.

Этот город сошел с ума на почве революции.

С Невы подул холодный ветер. Гость из будущего поежился и мысленно поблагодарил Риту за предусмотрительность. Без черной кожанки он бы давно стучал зубам. Хотя пальтишко или, на худой конец, армейская шинель были бы предпочтительней. Куртку все же продувало.

«Ничего, как-нибудь вытерплю», — подумал он и поднял ворот пиджака.

Мимо проходили люди, которым до него не было абсолютно никакого дела.

Костя огляделся по сторонам. Он пытался уловить в атмосфере то самое мимолетное напряжение, присущее глобальным, меняющим все и вся событиям. Но окружающее пространство выглядело чересчур обыденным и мирным. Люди явно даже не догадывались на пороге чего они стоят. Ведь буквально через несколько часов жизнь их раз и навсегда изменится.

Костя хлопнул себя по лбу и выругался. Он как-то не догадался о том, где и как проведет предрассветные часы. Вдобавок выяснился и другой крайне неприятный факт — мосты в городе были разведены, и он оказался отрезан от Зимнего дворца. И сколько еще куковать — неизвестно.

Неподалеку горел костер. Возле него грелся упитанный мужчина с вполне определившимся животиком, который принято называть «пивным». Туда Костя и направил стопы, надеясь отогреться, а заодно и почерпнуть информацию от аборигена.

Звали этого петербуржца Романом Борисовичем Березовичем. Представившись, он с удовольствием пожал Косте руку и пригласил к костру.

— Какими судьбами вас сюда занесло, мой юный друг? — поинтересовался новый знакомый.

«Юному другу» уже стукнул сороковник, однако он не стал заострять на этом внимание, а коротенько изложил свою «легенду», похлопывая рукой по «кукле» киноаппарата. Дескать, приехал снимать готовящийся штурм Зимнего. (Если верить кино и прочим источникам, об этом двадцать пятого октября (по старому стилю) в Петрограде должна была знать чуть ли не каждая собака. Каменев и Зиновьев раструбили о планах большевиков в прессе, немало озадачив этим коварным поступком Ильича). Однако Роман Борисович оказался жутко неинформированным субъектом.

— Это правда? — всплеснул он руками.

— Правдивей некуда, — подтвердил Костя.

— Странно, — задумался Березович. — Мне об этом никто из родни не рассказывал.

— А почему они должны были об этом рассказывать?

— Ну, хотя бы потому, что два моих племянника сейчас в Смольном, — пояснил Березович. — И они там не самые последние люди.

— Почему в таком случае вы ночуете на улице как... — Костя прикусил язык. У него едва не вырвалось словечко «бомж», а аналога ему он почему-то не сразу сумел подобрать.

Однако тут на помощь пришел новый знакомый:

— Как бродяга, да?

Костя кивнул. Березович пустился в воспоминания:

— Когда я приехал сюда из Киева, племянники смогли выбить для меня замечательную квартиру. Очень просторную, с мебелью. Не поверите — даже рояль был. Остался от старых хозяев. Их то ли арестовали, то ли выслали куда-то — я в подробности не вдавался. Но сегодня вечером ко мне ворвались солдаты, назвали меня «жидовской мордой» и пинками выгнали на улицу. Теперь жду, когда разведут мосты, и я смогу попасть в Смольный. Племянники этого так просто не оставят. Они пришлют броневик с пулеметом, а то и два, и вернут мне жилплощадь.

Костя кивнул. Судя по всему, встреченный гражданин нигде не пропадет: ни в революционном Петербурге, ни в чопорном Лондоне. Такие везде хорошо устроятся.

С самым рассветом Константин помчался к Зимнему дворцу. Стоило оценить, как там идут дела, готовятся ли юнкера отражать готовящийся штурм.

И снова разочарование... Никаких тебе знакомых по фильмам баррикад, броневиков и прочих признаков обороны. Парочка часовых весьма расхлябанного вида (упала у господ юнкеров дисциплина, чего уж там) излучала потрясающую безмятежность. У Кости

даже пропуск не спросили, и он зашел в Зимний как к себе домой.

Э, нет, решил про себя гость из будущего, так дело не пойдет. Это что ж получается, приходи в любой момент и бери господ министров прямо тепленькими. Никто и слова против не скажет. А как же героическая оборона? Кинжальный огонь пулеметов? Буханье пушек (без них какая зрелищность)?! Непорядок!

Костя поймал какого-то офицера — по виду весьма важного, лощенного, явно не фронтовика. Зато мундир на военном был идеально выглажен. Все, что должно было сверкать — сверкало. Сверкали и чуть раскосые восточные глаза.

В званиях этого периода путешественник разбирался слабо. Пришлось действовать наобум.

— Това ... То есть господин офицер, разрешите задать один вопрос?

— В чем дело? — с недовольной гримасой обернулся офицер. — Не видите, я спешу?

— Господин офицер, дело государственной важности. Касается безопасности Временного правительства и будущего России, — зататорил Костя.

Дальнейшее поведение офицера его весьма удивило. Вместо того чтобы предпринять хоть какие-то действия, тот лишь махнул рукой:

— Россия... Временное правительство... Да пропади они пропадом!

И он, гордо вскинув подбородок, зашагал по коридору. Ошеломленный Костя не мигая смотрел ему вслед.

Спустя полчаса хронопутешественник пришел к выводу, что Зимний не просто обречен — он вообще не собирается защищаться. Более того, никто не собирался слушать Константина, всем мысль о грядущем штурме казалась столь нелепой, что на гостя из будущего смотрели как на умалишенного. Хорошо, санитаров не вызвали.

— Ладно, — тогда решил он. — Зайдем с другой стороны. «Господа» меня не поняли, а вот «товарищи» поймут. Обязаны понять. Ведь это в их интересах.

Осталось только выбрать к какому конкретному «товарищу» обратиться. Из всех центральных фигур выбор пал на одну. Только этот человек мог решить назревавшие проблемы и помочь в главном.

— Не будет зрелища — не будет кина. А без фильма задание провалено. Троегубов с меня три шкуры снимет, — думал Костя, шагая к бывшему учреждению для благородных девиц.

На посту у входа в Смольный стоял часовой. Не классический «братишка» в неуставном бушлате (в октябре положено носить шинель, а не задницу морозить), перечеркнутом пулеметными лентами, и в сбитой на бок бескозырке с надписью «Смелый», «Грозный» или, на худой конец, «Варяг»*. И не «человек с ружьем».

Если говорить по-русски, то «человек с ружьем» — это солдат, дезертировавший с фронта, приехавший проводить Советскую власть туда, где его вовсе об этом и не просили. Нет. Это был молодой человек вполне интеллигентного вида — тужурка со следами от споротых петлиц и фуражка с кокардой в виде скрещенных молоточков. Не иначе — студент какого-нибудь технического института. Ни красного банта на груди, ни красной повязки на рукаве у часового не было. Зато в его руках был карабин с широким штыком.

«Манлихер», — отметил про себя Костя. Вспомнилось, что карабин производился в Австро-Венгрии.

Студент приплясывал от холода. Форменная тужурка грела плохо, а вместо фуражки можно было носить и

* Хотя моряк с крейсера «Варяг» вряд ли бы мог оказаться в то время в Петрограде. Напоминаем, что легендарный крейсер был поднят японцами, введен в строй и в 1916 году выкуплен Россией. В 1917 году «Варяг» находился на ремонте в Великобритании. Позднее был конфискован британским правительством и продан на слом. Затонул в 1925 году.

шапку-ушанку. Костя, наряженный в утепленный вариант кожаной куртки и кепку с наушниками, пожалел парня. Ему бы какую-никакую шинельку. Но революционный студент, как и его соратники — балтийские матросы, носившие и в жару, и в стужу бушлаты и бескозырки, «держал фасон». Даже перчаток не надел!

— Слушаю вас, внимательно? — вежливо спросил часовой и, подумав, добавил:

— Товарищ.

Сам между тем направил штык так, чтобы тот смотрел в грудь Константина.

Костю всегда коробило выражение «Слушаю вас!». Хуже него только фраза — «Чего вы хотели?». Наслушался в разных бюрократических учреждениях. Услышав такое, всегда хотелось дать в лоб! Но приходилось терпеть...

— Мне бы, дорогой товарищ, к товарищу Троцкому пройти, к Льву Давидовичу, — сообщил Костя, прикидывая: а если схватиться за ствол карабина, отшвырнуть «студентика» и ворваться внутрь? Но погасил порыв: кто знает, нет ли внутри здания еще одного поста? А если и нет, так далеко ли убежишь?

— Пропуск, пожалуйста, — перехватил часовой карабин в левую руку, а правую, скрюченную от холода, протянул к просителю.

— Так тут, товарищ, дело такое... — замялся Константин. — Нет у меня пропуска. Я даже не знаю, где его взять.

Часовой сделал строгое лицо, перехватил оружие, и его штык теперь упирался прямо в грудь нашего героя. Наставительно произнес:

— Пропуска в Петроградский Совет выписывают либо рабочие советы на местах, либо первичные партийные ячейки. Вы из какой партии? Разве вам не сообщали?

— Товарищ, некогда бюрократию разводить! — выдохнул Костя, а потом брякнул:

— Социалистическое отечество в опасности!

— Какое отечество? — не понял студент. — Вы о чем?

«Блин... — выругался про себя Костя. — Это же, кажется, из другой оперы... Какое там социалистическое отечество, если и социалистической революции еще не было... А, была не была!»

— Отечество славлю, которое есть, но трижды которое будет! — едва не пропел Константин бессмертные строки Владимира Владимировича. Не того, который президент и премьер, а того, кто был самым пролетарским из всех пролетарских поэтов*.

Часовой растерянно захлопал белесыми ресницами, а Костю «несло» дальше:

— Наше отечество, дорогой товарищ! Социалистическое! То самое, которым должна стать Россия! А если, товарищ, ты тут бюрократию будешь разводить, как турусы на колесах, так не видать нам социалистической революции и социалистического отечества. Вернут нам на наши рабоче-крестьянские шеи клику Романовых с их палачами-держимордами, узурпаторами и сатрапами.

Студент от растерянности приставил карабин к ноге и робко проблеял:

— Меня товарищ Антонов-Овсеенко тут поставил и приказал, чтобы без пропуска — никого не пускать! А вдруг вы юнкер переодетый? А может, — с надеждой поинтересовался часовой, — вы из желтого дома сбежали? Так вы скажите, тут недалеко телефон есть. Можно позвонить и санитары придут.

«Ого, и тут знакомые песни», — вконец расстроился гость из будущего.

Заканчивать командировку в желтом доме не хотелось.

— Я из эрэсдээрпэ, которая большевиков! — гордо заявил Костя. — И не из «желтого дома». Есть у меня

* Для детей ЕГЭ сообщаем, что этим поэтом является В. В. Маяковский.

сведения, что контрреволюция Смольный собирается штурмовать! Зови сюда разводящего, начкара! Если я юнкер или контрик — пусть меня тут же и расстреляют. А если враги Смольный захватят, так это на твоей совести будет...

Кажется, студент совсем обалдел. Закинув за плечо карабин и оглянувшись по сторонам, громким шепотом сообщил:

— Вы, вот что, товарищ... Не кричите тут... Деньги у вас есть?

— Деньги? — удивился в свой черед Костя и принялся шарить по карманам. Ну, куда не приди — везде деньги нужны. Что за страна такая? Даже в прошлом от взяточников нет спасения.

— Не ищите... Сейчас... — Студент принялся растирать замерзшие на осеннем ветру руки и согревать их дыханием. Вернув пальцам жизнеспособность, вытащил из кармана скомканную бумажку: — Вот двадцать рублей, берите. Смольный обойдете с левой стороны. Там, сразу за поленницами дров, дверца маленькая. Та дверца в каморку, где истопник живет. Пантеем зовут. Ну, дядька Пантей. Скажете, что Андрюха прислал, который из Технологического. Он меня давно знает. За десять рублей Пантей всех в Смольный пускает.

Потом, словно оправдываясь, добавил:

— Должен же кто-то членам Петросовета дрова носить? А Пантей, он еще от мамзелей остался. Куда его девать?

«Чудеса твои...» — окончательно растерялся Костя, сжимая бумажку в кулаке и направляясь в обход.

— Сдачу не забудьте взять! — крикнул ему в спину часовой. — Двадцать рублей — жирно будет. А деньги мне потом отдадите. И чайком вас дядька Пантей напоит, горячим, — с завистью добавил студент...

...Константин, захваченный под локти двумя матросами, был протащен по длинному коридору и поставлен перед двустворчатой дверью с надписью «То-

варищъ Троцкій Левъ Борисовичъ». Скромно! Видимо, предполагалось, что все и так знают, что тов. Троцкий является председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Большая приемная пустовала. Лишь у дверей, за маленьким столиком с громадным «Ундервудом» сиротливо сидела барышня в белой блузке, застегнутой до самого подбородка на множество крошечных пуговиц. Секретарша печатала. Возможно — исторический документ, а может — запрос в хозчасть. Пальчики порхали с такой легкостью, словно она сидела за клавиатурой компьютера, а не за клавишами антикварной машинки.

Пишбарышня, приподняв взор на вошедших, осмотрела каждого с ног до головы, словно сфотографировала, скривила губки, кивнула и вернулась к работе.

«Нет, определенно исторический документ!» — решил Константин.

Один из матросов, сдернув с головы бескозырку, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, открыл створку.

— Тут, товарищ Лив Давыдыч, чиловика до уас привели. У Пантея-истопника спиймали, — с неистребимым малороссийским говорком сообщил матрос. — Оружия нема. Ховорит, дило скаженной важности!

— Никто меня не ловил! — возмутился Константин. — Я к товарищу Троцкому шел. Сведения у меня секретные!

— Пусть зайдет, — донеслось из кабинета.

— Ты, это, хляди! — напутствовал малоросс, показывая кулак, величиной с амбарный замок. — Ежели шо — в рипу охребешь!

— И в репу, и во все остальные места, — хмыкнул второй, многозначительно похлопав по прикладу винтовки. — Мы здесь пока побудем.

Костя никогда не понимал пристрастия начальства к большим кабинетам. Наверное, потому что сам никогда не был начальником.

По сравнению с немаленькой приемной, кабинет был просто огромным. Наверное, его переделали из танцзала, в котором «смолянки» учились ходить в менуэтах и полонезах. (Напрашивалось сравнение со спортзалом, но вряд ли у благородных девиц была физкультура?*)

За длинным столом сидел человек, неоднократно виденный на фотографиях. Похожий и одновременно непохожий на собственные портреты в Интернете. Копна вострепанных волос, длинный нос, пенсне, под которыми прятались усталые глаза.

Впечатления «Льва революции» товарищ Троцкий не производил. Скорее — усталая птица. При том — сильно растрепанная. Не то — гриф-стервятник без лысины, не то — дятел в пенсне.

Председатель Петроградского Совета что-то писал на большом листе бумаги чернильной (перьевой!) ручкой. К счастью, сам Костя уже не застал эпоху чернильных ручек (в начальной школе им уже разрешали пользоваться шариковыми), но помнил времена, когда почтовые извещения и квитанции в банках нужно было заполнять именно перьевой ручкой. Обычно он насаживал по несколько клякс и всегда жалел своих предков, которые писали пером. У Троцкого же очень ловко получалось обмакивать перышко в чернильницу, безо всяких клякс. И почерк был слишком ровный для выдающегося человека.

Впечатление портил еще и идеальный порядок, царивший на столе: аккуратная стопка газет, бювар, чернильница, — все на своих местах. Настольная полка с книгами. Закрытые шкафы. Скорее, кабинет опытного бюрократа, а не выдающегося вождя революции. (По идее, на столе у Льва Давидовича должен был царить кавардак: скомканные черновики, спутанные карты и схемы, книги со страницами, переложенными старыми бутербродами. И непременно селедка, завернутая в

* А вот эти сомнения напрасны. У учащихся пансионов для благородных девиц была гимнастика.

секретную бумагу). А на стене, вместо портрета Наполеона с дарственной надписью или карты Российской империи с красными и черными стрелочками, висела вполне обыденная схема города на Неве.

«А чего на ней станций метро нет?» — удивился Костя. Решил было, что товарищу Троцкому не пристало ездить общественным транспортом, но вспомнил, что метро появится гораздо позже.

— У вас, товарищ, есть ровно три минуты, — демонстративно кивнул на настольные часы Лев Давидович, стряхнув капельку чернил обратно в чернильницу и пройдясь по свеженаписанному тексту валиком с промокашкой. — Излагайте. Можете сесть.

— Товарищ Троцкий! — торжественно начал Костя, демонстрируя всем своим видом, что рассиживаться некогда. — Большевики должны взять Зимний дворец, где заседает Временное правительство! Вчера было рано — завтра будет поздно!

Эту фразу, насколько он помнил, произнес Владимир Ильич на заседании Военно-революционного комитета. На ВРК она произвела такое впечатление, что большевики сразу же побежали брать власть!

Но дело, видимо, было не только в самой фразе, но и в том, кто ее произнес. Лев Давидович только хмыкнул:

— А дальше-то что?

— В смысле? — опешил Костя, присаживаясь на тяжелый, как лапа динозавра, и вычурный, как хвост павлина, стул. — Большевики захватят власть, установят диктатуру пролетариата. Заставят все остальные классы слушаться его, гегемона мировой революции. Все, как вы писали.

— Хорошо, — кивнул Лев Давидович. — Ну, положим, власть мы взяли. Чисто технически это не сложно. А что дальше?

— Как что? — вскинулся Костя. — Большевики захватят власть в Петрограде, потом установят Совет-

скую власть во всей России. А дальше, как вы сами неоднократно говорили и писали — пролетариат России, осуществив буржуазный переворот, начнет социалистический этап революции во всем мире...

— Который возможен лишь при помощи мирового пролетариата, — в тон ему подхватил Троцкий. — Приятно, что молодые люди читали мои ранние работы. Ну, не смею вас задерживать...

— А как же штурм Зимнего? — обмер Костя. — Свержение Временного правительства?

— Да кому он нужен, ваш Зимний, вместе с Временным правительством! — махнул рукой Троцкий. — Реальная власть сейчас здесь, в Петроградском Совете. Временный комитет — фикция! Ладно, — посмотрел «Лев революции» на часы. — У меня есть еще минут двадцать... Как насчет чая?

«Да что б тебя! — чуть не взвыл Костя. — Двадцать часов осталось...»

Но вслух выдавил:

— Неплохо бы...

— Таечка! — слегка повысил голос Лев Давидович.

В кабинет вошла... впорхнула пишбарышня. Томный взгляд устремлен на председателя Петросовета, глазки блестят, а ручка нервно расстегивает верхнюю пуговку блузки...

— Таечка, — улыбнулся Лев Давидович. — Сделайте нам чайку. Вы как любите — покрепче? — обернулся он к собеседнику.

Не дожидаясь ответа, попросил:

— Нам покрепче. И сахар не забудьте!

Таечка, чуть слышно вздохнула, с досадой посмотрела на Константина и вышла, не сказав ни слова. Троцкий между тем продолжил:

— Объясняю, дорогой мой Константин Петрович. Большевикам, как всем прочим партиям, к слову, сейчас братъ Зимний дворец, разгонять министров-капиталистов, как пишут в газетах, нет никакого ре-

зона. Что будет, если большевики захватят власть?

— Создадут собственное правительство, начнут проводить разные реформы, — начал Константин.

Забыв, какие именно реформы должны проводить захватившие власть большевики, выпалил:

— Фабрики — рабочим. Земля — крестьянам. От каждого — по способностям. Каждому — по труду!

— Да-да... Вы определенно владеете материалом, — одобрил Лев Давидович. — Только что мы станем делать с войной? Немцы наступают по всему фронту. Счастье, что Германия выдохлась, а иначе тевтоны уже были бы на подступах к Петрограду. Ну-с?

— Ни войны, ни мира, а армию — распустить! — брякнул Костя лозунг, выдвинутый самим Троцким несколькими месяцами позже, при заключении Брестского мира.

— Как вы сказали? — заинтересовался председатель. — Ни войны, ни мира, армию распустить... Сами придумали?

— Ну, как сказать... — замялся Костя. — Не то что бы придумал, а сформулировал из ваших же статей.

— Хорошая фраза, — похмыкал Троцкий. — Из нее отличный лозунг получится. Подарите?

— Да без проблем, — расплылся Костя в улыбке. Жалко, что ли? — А вы мне взамен свою фотографию с автографом.

— Фотографию? — откинулся Лев Давидович на спинку кресла, морща лоб. — Даже и не знаю, найду ли... Знаете, сам я не великий любитель фотографироваться. Приходится иногда позировать, но тут уж — положение обязывает.

Определенно, Лев Давидович кокетничал. Такого количества снимков в годы Гражданской войны (да и в период революции) не имел ни один из политических деятелей. Даже портретов Владимира Ильича сохранилось меньше.

Костя ждал, что «Лев революции» вызовет Таечку,

но Лев Давидович собственноручно выдвинул нижний ящик и принялся там шуршать.

— Вот, одна завалялась, — произнес Троцкий довольно небрежно, выкладывая на стол фотографию кабинетного формата, наклеенную на твердое паспарту.

Едва сдерживая улыбку (ну точно в ящике не одна фотография!), Костя попросил:

— Напишите мне что-нибудь. Что-то такое, памятное. Пожалуйста.

Троцкий кивнул и принялся старательно писать, проговаривая вслух:

— Уважаемому товарищу Иванову Кэ Пэ от председателя Петроградского Совета Троцкого Эл Дэ. Что бы такое написать? А... Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья, и на обломках самовластья напишут наши имена! Хорошо звучит, да? Ну и подпись...

Вручив фотографию радостному гостю («Ни хрена себе, автограф Троцкого! Сколько он сейчас может стоить?!»), Лев Давидович кивнул на пачку папирос перед ним. Костя едва не отказался (терпеть не мог папирос), но вспомнил о своей «волшебной» зажигалке со встроенной камерой и микрофоном. Как оказалось — вовремя. Что называется — «пошел материал».

— Ни войны, ни мира, армию распустить... — принялся размышлять вслух Лев Давидович, затягиваясь папироской. — То есть вы имеете в виду, что если мы в одностороннем порядке прекратим военные действия против Германии и Австро-Венгрии, то немецкий и австрийский пролетариат заставит своих милитаристов прекратить войну? А знаете, в этом что-то есть... Конечно, так сразу пролетарии войну не прекратят, но революция в Германии и Австро-Венгрии гарантирована...

«Гарантированной некуда! — хмыкнул про себя Костя. — Можно не сомневаться!»

В этот момент зашла Таечка с подносом. Выставляя на стол стаканы в тяжелых подстаканниках, сахар-

ницу с колотым сахаром и тарелочку с печеньем, она старательно поджимала губки, стреляя глазками в сторону начальника. Но Лев Давидович, не обращая внимания на недовольство девушки, лишь кивнул, задушил окурок и принялся азартно размешивать сахар.

Печально вздохнув, девушка ушла. Костя ее мысленно пожалел.

Троцкий, постукивая ложечкой о край стакана, вещал:

— Понимаете, мой юный друг, если большевики — то есть мы, захватим власть, то столкнемся с огромными проблемами. В деревне до сих пор помещичье землевладение. Феодализм без крепостного права! Крестьянские семьи многодетные. Каждому сыну отец должен дать земельный надел. У крестьян земли вечно не хватает, и они засматриваются на помещичьи земли. Кое-где уже началась самостийная дележка земель! Но главная проблема — война. Российской империи уже нет. Нужно решать вопрос с национальными образованиями. Финляндия, Польша, Украина... Закавказье, наконец. Все они хотят на свободу! Они считают, что Россия их душит.

— Отпустить, — не задумываясь, отозвался Костя, с трудом удержавшись, чтобы не добавить еще и «на хрен».

— Придется, — вздохнул Троцкий. — Конечно, чуть позже мы вернем эти пародии на государства в лоно единой республики. Территория бывшей Российской империи станет плацдармом для мировой революции. Но это будет позже. А сейчас... Да, Германия выдыхается. Мы можем пойти на переговоры. Но это будет сепаратный мир. Что скажут наши союзники по Антанте?

— Да плевать нам на Антанту, — храбро заявил Костя. — Чего мы от них хорошего-то видели? Одни пакости! Еще и долги выплачивать заставят. А нам эти деньги важнее. Мы на них построим больницы для

больных, дома для престарелых, школы для бедных и... Ну, чего-нибудь еще построим.

— Хорошо, забудем о союзниках, — кивнул Лев Давидович. — Откажемся от выплаты царских долгов. Тем более что с началом мировой революции все прошлые соглашения теряют силу. Но, повторяю — это будет потом. А сейчас? Прекращенная война — уже сама по себе проблема. Я не говорю о войне проигранной, но даже победоносная война для перехода в мирное русло требует огромных сил и средств. Промышленность перестроена на военный лад. Нужно останавливать предприятия, возвращаться к продукции мирного времени. А с фронта между тем хлынет армия в восемь миллионов человек. Пусть семь миллионов вернется обратно в деревню. Да нет, вернется миллионов пять. Часть России уже оккупирована и многим просто некуда возвращаться. Куда их девать?

— В трудовые армии, — подсказал Костя.

— Трудовые армии? — загорелся Лев Давидович. — Ну-ка, ну-ка...

— Из бывших солдат, которым все равно нечего делать, вы формируете армию, которая займется трудом на стройках народного хозяйства.

— И это будут люди, знающие, что такое дисциплина, — радостно подхватил Троцкий. — И на жалованье можно сэкономить.

— А зачем им жалованье? — пожал Костя плечами. — Пускай за паек вкалывают. Отправьте их строить дороги. Или Беломорско-Балтийский канал копать.

— Тогда уж лучше — Волго-Балтийский, — улыбнулся Троцкий. — М-да, идея неплохая.

— Если книжечку со своим автографом подарите — идея ваша, — улыбнулся Костя в ответ.

— О, это, пожалуйста! — полез опять Лев Давидович в ящик стола. — Вот, «Итоги и перспективы». Вы, на каком языке предпочтете?

— В каком смысле? — растерялся Костя.

— В том смысле, что у меня не осталось ни одного экземпляра на русском языке. Знаете, мои товарищи, в большинстве своем, не знают никаких языков, кроме русского и идиша, — пригорюнился Троцкий.

Косте было неудобно сказать, что он и идиша-то не знает, не говоря уже о каких-то других языках. Когда учился в школе, у Веры Владимировны, учительницы русского языка, было сомнение — а знает ли Иванов родной язык? Помнится, на встрече выпускников та долго ахала, узнав, что Костя стал журналистом.

Стараясь обойти щекотливую тему, спросил:

— А вы, Лев Давидович, сколько языков знаете?

— Н-ну, латынь и древнегреческий, разумеется, немецкий. Это еще в училище. Потом — английский, французский, итальянский, — хмыкнул Троцкий. — Хотел еще выучить испанский, но — увы, — развел он руками. — В тюрьме не оказалось подходящего Евангелия.

Увидев непонимающий взгляд собеседника, пояснил:

— Я, молодой человек, изучал иностранные языки, находясь в Бутырках. А учебников или самоучителя там, разумеется, не было. Зато — был большой выбор «Нового Завета» на разных языках.

— Ни фига себе! — откровенно восхитился Костя.

Было видно невооруженным глазом, что Троцкому непритворное восхищение посетителя приятно. Старательно пряча довольную улыбку, Лев Давидович спросил:

— Так на каком языке? Есть на немецком. Есть на английском.

— Давайте на английском, — махнул Костя рукой.

Надписывая книгу, Троцкий спросил:

— Хочу вас спросить, что за жаргон вы используете? Спецдежда, паек. И вот это еще — на фиг. На тюремный не похоже.

— Да так, журналистский сленг, — выкрутился Костя.

— А, ну да... — кивнул Троцкий. — Логично. Любая профессия накладывает свой отпечаток на речь. Социолекты!

Отдавая брошюру с автографом, Лев Давидович заметил:

— Идея трудовых армий хороша. Но чтобы их создавать, нужно иметь аппарат принуждения. А наша беда — мы не знаем, что делать с тысячами дезертиров, которые волокут с фронта не только ружья, но и пулеметы. Два миллиона вооруженных людей! Полиция разогнана, а то, что было создано Временным правительством, эта народная, с позволения сказать, милиция ни к черту не годна. Кто будет охранять общественный порядок, бороться с преступностью? В городах безработица. За последний месяц хлеб подорожал в три раза, а мыло и спички в восемь! Плебсу понадобится хлеб. Где его взять? Да, почему вы не берете печенье? — поинтересовался вдруг Лев Давидович. — Мама нашей Таечки настоящая мастерица.

Костя протянул руку за угощением.

— Так вот... Деревня не станет кормить город, — вернулся Троцкий к теме. — Что же тогда? Создавать продотряды, как при Парижской Коммуне, посылать их по деревням? Но в деревне сейчас столько оружия, что мужики будут драться за каждый фунт муки. Как вы думаете, что это означает?

— Гражданскую войну, — не задумываясь, ответил Константин, надкусывая вкуснейшую печенюшку. — Но она неизбежна.

— Вот именно, молодой человек. Я понимаю, вы читали работу товарища Ленина о неизбежности перехода империалистической войны в войну гражданскую, да?

Костя не стал разубеждать собеседника. Что-то такое он выборочно читал, правда, помнил смутно.

— Безусловно, гражданская война неизбежна. Да, жертвы неизбежны. Сотня тысяч. Миллион — не страшно. Но, молодой человек! — воинственно приподнял Лев Давидович ложечку. — Нельзя допустить, чтобы большевики стали той силой, которая бы развязала войну! История нам этого не простит!

— И вы будете ждать, пока не соберется съезд Советов?

— Именно так, — кивнул Троцкий, допивая чай. — На съезде будет объявлено о переходе всей власти в руки Советов и ликвидации Временного правительства. Это будет решение не только большевиков, но и других партий: меньшевиков, социал-революционеров, анархистов. Если же господин Керенский попытается нам помешать — а я в этом сильно сомневаюсь — мы ответим революционным ударом по контрреволюции. Силы, между нами говоря, не в пользу правительства.

— Ну да, ну да, — рассеянно кивнул Костя, не зная, что же ему теперь делать. — У Керенского — тысяча человек, шесть орудий и два пулемета, а у вас — около двухсот тысяч, при ста орудиях.

— Двести тысяч штыков, без учета матросов и красногвардейцев, — довольно хмыкнул Троцкий, а потом спохватился: — Откуда у вас такие сведения?

— Так не секрет, — пожал Костя плечами. — Газеты пишут...

Пытаясь выглядеть расслабленным, он внутренне сжался. А если Троцкий сейчас вызовет своих телохранителей или кто там они у него? Пусть до ЧК большевики еще не додумались, но все-таки какой-нибудь орган безопасности должен быть... Но, к его счастью, Троцкий отнесся к объяснению с доверием.

— Что да, то да, — кивнул председатель. — Сейчас в газетах можно все что угодно прочитать.

— Даже то, что товарищ Ленин скрывается на конспиративной квартире и завтра собирается совершить переворот, — брякнул Костя первое, что пришло в голову.

— В какой газете? В «Новой жизни»? В «Правительственном вестнике»? В «Правде»? — встрепнулся Троцкий, подгребая к себе стопку свежих газет. — Как же я пропустил?

— Таечка! — повысил голос «Лев революции».

В кабинет вошла секретарша. Но на сей раз деловая и собранная, как и положено. (Но, как заметил Костя, вторая пуговка тоже была расстегнута).

— Таечка, где статья о грядущем перевороте? — строго спросил председатель Петросовета. — О том, что Владимир Ильич готовит переворот?

— Последняя публикация на эту тему была в газете Алексея Максимовича Горького «Новая жизнь» от 18 октября сего года. Товарищи Каменев и Зиновьев... — начала Таечка.

— Знаю, — отмахнулся Троцкий. — Эти ренегаты написали, что большевики не должны брать власть... А еще? Что в «Правде»?

— Но, Лев Давидович, я же вам докладывала... — с некоторым недоумением сообщила девушка. — Вчера редакцию «Правды» разгромили юнкера. Побили сотрудников, рассыпали набор и отрезали провода. Сегодня товарищ Сталин пытается организовать выпуск нового тиража. К тому же, — укоризненно сказала барышня, — если бы в газете было напечатано о подготовке товарищем Лениным восстания или переворота, я непременно об этом бы узнала и сразу же доложила вам.

Костя, с удовольствием слушал бы и дальше, но время торопило:

— О грядущем перевороте еще не печатали. Мне пришла конфиденциальная информация от нашего специального информатора («Что же я такое несу?»), и я решил отдать ее редактору только после встречи с вами.

— Я так и понял, что вы журналист, — с облегчением выдохнул Троцкий. — Чувствую коллегу. Кстати, а из какой газеты?

— О, это не совсем газета, — расплылся Костя в улыбке, вытаскивая визитку. — Это, скорее, информационный центр. Мы получаем информацию, поставляем информацию. Вот, моя визитная карточка.

— Вот как? Любопытно... — протянул Лев Давидович, разглядывая маленький прямоугольник с золотым обрезом. — Бюро «Информуслуги». Иванов Константин Петрович. Таечка...

— Я поняла, — отозвалась секретарша, принимая визитку. — Я сейчас же подготовлю контракт о сотрудничестве и выдам молодому человеку аванс. В каких пределах?

— На ваше усмотрение, — отмахнулся Троцкий, и секретарша исчезла, как привидение.

От слов «договор» и «аванс» Костя напрягся, как старая цирковая лошадь при звуке трубы.

«А чего она документов не спросила? Паспортные данные? ИНН? Полное название организации? А сумма аванса? Надуют? Но вроде люди серьезные», — выиграло в Косте привычное журналистское, но вспомнив, что в девятьсот семнадцатом году ему вряд ли перепадет «шабашка» (а коли и перепадет, так деньги все равно не потратишь), успокоился.

Про себя он еще немножко похмыкал, поражаясь наивности предков. Нет бы, документы проверить. Ишь, взяли визитку и — все. Таких визиток можно миллион наклепать...

— Что вам еще известно? — поинтересовался Троцкий. — Что в этой, как вы сказали «конфиденциальной информации от вашего специального информатора»? — повторил без запинки Лев Давидович Костину белиберду и посетовал: — Понапридумывали словес, господа журналисты, язык сломаешь!

«Эх, товарищ Троцкий, вас бы к нам на недельку. Свихнулись бы! А коли за комп посадить, в Инет запустить — так за три дня крыша съедет...» — мысленно усмехнулся Костя и принялся импровизировать:

— Нашему информатору стало известно, что товарищ Ленин сговорился за вашей спиной с членами Центрального комитета партии... С некоторыми членами, — поправился Костя. — И еще с членами революционно-военного комитета при Петросовете. То есть с вашими непосредственными подчиненными. Хотя, Лев Давидович, — сделал Константин значительное лицо, — за полную и стопроцентную достоверность я не ручаюсь. Имен информатор не называет. Только намеки.

Поднявшись из-за стола, Лев Давидович прошелся по кабинету, ступая с каблука на носок.

— С кем он мог сговориться? С Подвойским? Или с недоделанным поручиком Антоновым-Овсеенко? С мелкотравчатым Наполеоном Крыленко? Из них полководцы такие же, как из меня — Матильда Кшесинская! Вот они где! — пренебрежительно сжал предсчета кулак, словно бы уминал туда все руководство Военно-революционного комитета Петросовета.

— Кто остается? Ну-с, как вы считаете?

Прозвучало это так зловеще, что из головы у Кости вылетели фамилии всех организаторов Октябрьской революции, у которых ему предстояло брать интервью. Только одна оставалась в голове... Зато какая!

— Сталин! — веско изрек он.

— Сталин, Сталин... — в задумчивости протянул Троцкий. — Коба сейчас занят выпуском «Правды». И вообще, он даже не член руководящего центра ВРК. И в интригах не искушен. Дите гор! Хотя... если Старик обратится к нему, Коба поднимет всю свою шваль — от дезертиров до уголовников... И Антонов-Овсеенко послушает Ленина и поднимет матросов.

— И крейсер «Аврору»! — радостно подсказал Костя.

— А причем тут «Аврора»? — опешил Троцкий.

Вот те раз! Костя был уверен, что без легендарного крейсера революции бы не случилось.

— Как зачем? С «Авроры» подадут сигнал к восстанию.

— А зачем подавать сигнал? Да еще с «Авроры»? — продолжал недоумевать Лев Давидович. — И к чему нужны сигналы?

— А как же? Вы приказываете Антонову-Овсеенко. Антонов-Овсеенко отдает приказ комиссару крейсера, «Аврора» стреляет из пушки по Зимнему дворцу и по его сигналу со всех сторон Петрограда на штурм идут революционные отряды матросов и красноармейцев.

— Константин Петрович! — в досаде воскликнул Троцкий. — Зачем же так усложнять? Какие отряды? Зачем? Достаточно сотни красногвардейцев, чтобы занять Зимний дворец и сменить караулы. Там всего-то с десяток юнкеров, да госпиталь для выздоравливающих мамзелей из ударного батальона. Вы тут давеча про пушки и пулеметы упоминали — так их расчеты уже распропагандированы и уведены в казармы. Пушки и пулеметы переданы красногвардейцам.

— А как же тогда Ленин, Сталин и Антонов-Овсеенко войдут в историю? Представьте — «Аврора» выпалила из пушки по Зимнему дворцу...

— Товарищ Иванов, — перебил Лев Давидович, переходя на официальный тон. — Я не великий знаток корабельной артиллерии, но если, как вы говорите, «Аврора» «выпалит» из пушки, штурмовать будет нечего. От Зимнего дворца останутся руины! Да что там от дворца... И от всех прилегающих кварталов.

— Можно садануть холостым, — не сдавался Костя. — Главное, чтобы «Аврора» вошла в Неву. И почему бы главным вождем грядущей революции не стать вам?

— Таечка! — позвал Лев Давидович и в кабинете «материализовалась» секретарша.

Кажется, она либо читала мысли своего начальника, либо просто подслушивала, потому что, не дожидаясь вопроса, сообщила:

— Как я полагаю, молодой человек собирается продать новость кому-то из синемаатографистов? Или... — сделала она многозначительную паузу, поигрывая уже третьей пуговкой, — он сам собирается снимать фильму? А крейсер товарищу Иванову нужен как реквизит.

— Именно! — возликовал Костя.

Ах, умница-разумница! Кроме того, было приятно, что его называли «молодым человеком». Сколько лет могло быть Таечке? Двадцать-двадцать пять?

— Таечка, — наморщил Лев Давидович высокий лоб.

— Да.

— Что там у нас по «Авроре»? Если мне память не изменяет, что-то там такое было. Вчера-позавчера... Мы о чем-то решали с Бельшевым, который член Петросовета и председатель судового комитета.

Девушка, расстегивая уже четвертую пуговку (их еще оставалось изрядное количество), сообщила:

— Третьего дня, на заседании Петросовета решали вопрос о доставке угля на корабль. Комиссар «Авторы» товарищ Бельшев доложил, что матросы мерзнут, камбуз не работает и матросы на сухпайке, без горячего, скоро ноги протянут. По вашему распоряжению к «Авроре» доставили баржу с углем — шесть тысяч пудов*. Решение запротоколировано. Вы хотели отправить еще и грузчиков, но Бельшев отказался. Мол, разгрузку матросы произведут и сами. Еще комиссар сказал, что с этим количеством угля можно дойти до Ревеля. Значит, — лукаво прищурилась девушка, — в Неву-то «Аврора» точно войдет.

— Таечка, а зачем «Аврору» пускать в Неву? — всплеснул руками Троцкий. — Насколько я помню, она стоит у стенки Адмиралтейского завода. Стоит и — пускай стоит. До Зимнего дворца всего полверсты. С такого расстояния не то, что из пушки, а из винтовки в спичечный коробок не промахнешься.

* Около 100 тонн.

— А так красивее! — безапелляционно заявила Тачка, принимаясь за пятую пуговицу. — Крейсер входит в Неву, останавливается у Николаевского моста, а жерла его орудий смотрят в сторону Зимнего дворца как предвестник беды!

— А потом выстрел возвестит зарю революции! Очень красиво! — с пафосом произнес Костя. — Выстрел «Авроры»... А вождь революции, товарищ Троцкий выступает с пламенной речью и ведет народ на штурм Зимнего дворца! Представляете, как это будет выглядеть на экране? Первый документальный фильм о Великой российской революции!

— То есть вы уговариваете меня начать штурм Зимнего дворца, чтобы снять фильму? — спросил Троцкий, рассматривая Константина как редкостного зверя. — И вас не смущают такие «мелочи», как начало гражданской войны, гибель сотен, а то и тысяч людей? И все это — ради фильма?

«Наивный вы человек, товарищ Троцкий! Если бы сотен! А миллионов, не хочешь?» — хмыкнул про себя Костя, но вслух сказал:

— Я, товарищ Троцкий исхожу из того, что гражданская война все равно начнется. А раз так, то штурм Зимнего все равно произойдет. И это событие нужно непременно запечатлеть для потомков. Но я хотел бы, чтобы вы были тем человеком, который встанет во главе восставших.

— Нет, я, конечно же, все понимаю. Сочувствую как журналисту, — недоумевал Троцкий. — Но ради фильма затевать переворот, губить людей? Я еще понимаю — положить сотню-другую красногвардейцев и солдат, чтобы перебить охрану Зимнего дворца и захватить власть. А так, какой смысл?

— Лев Давидович, а вы же сами рисковали жизнью ради нескольких газетных строчек. И ради чего? Ради того, чтобы какая-то киевская газета раньше других получала материалы?! Чтобы киевский обыва-

тель узнал о событиях раньше, чем такой же сытый обыватель из Конотопа или Жмеринки? А тут решится судьба всего человечества! — произнес Костя с пафосом, вовремя вспомнив кое-какие детали из биографии Льва Давидовича*.

Таечка, одаривая Костю доброжелательным взглядом, вздохнула так, что шестая пуговица начала расстегиваться сама по себе.

— Лев Давидович, молодой человек абсолютно прав! Ну, кто, кроме вас? А революций без жертв не бывает! — решительно заявила она. — Неужели мы позволим какому-то Антонову-Овсеенко стать во главе восстания?

Троцкий, постукивая костяшками пальцев по столу, неожиданно заявил:

— Знаете, в этом что-то есть... Аврора — это богиня утренней зари? Крейсер с именем богини утренней зари... новая эпоха... Однако символ — символом, но иметь рядом с несколько сот надежных людей и плавающую крепость очень даже не помешает. Посему товарищу Иванову выпишем мандат как полномочному представителю Петросовета на крейсер «Аврора», и пусть он отправляется на крейсер. Заодно и проверим, как матросы выполняют мои личные распоряжения... — как бы вскользь произнес Троцкий и перевел взгляд на девушку.

— А вы, Таечка, соберите срочное заседание Военно-революционного комитета. Скажем, минут через пятнадцать... — замялся Лев Давидович, (Таечка уже закончила с седьмой пуговкой) и решительно махнул рукой, — через час... а... нет — полтора часа!

...Костя сидел на носу шлюпки и наблюдал, как гребут Яков Охрименко и Степан Кулибин (те самые матросы, что доставили его к Троцкому и были выде-

* Во время балканской войны 1912 года Л.Д.Троцкий был военным корреспондентом газеты «Киевская мысль». В 1914-1916 гг. писал военные очерки и репортажи с Западного фронта.

лены ему в сопровождающие). И грустил. Нет, не из-за гребцов. Яков и Степан гребли профессионально, никаких лишних движений, четко, и ни капельки воды на пассажира. И не из-за аванса, что выдала ему Таечка (две тысячи рублей — где и на что их потратить?).

Дело в том, что Константину было откровенно страшно. Из книг и сетевых публикаций он помнил, что балтийская «братва» — это пиратская кодла, которая питается кокаином, запивая его чистым спиртом. Офицеров они убивали ударом кувалды в затылок или укладывали под асфальтовый каток.

Свое появление на «Авроре» он представлял как явление нового заключенного в камеру с прожженными зеками. Вспомнилось отчего-то появление комиссарши в «Оптимистической трагедии».

«А давайте, товарищ комиссар, женимся!»

Но у комиссарши хотя бы револьвер был. Оставалась одна надежда, что Охрименко и Кулибин, выглядевшие вполне нормальными людьми, не позволят матросам измываться, и те убьют сразу...

Еще он украдкой посматривал на свои «контрабандные» китайские часы. Стрелки показывали 11 часов. В «той» истории легендарный крейсер уже давно должен был стоять около Благовещенского моста (тьфу ты, около Николаевского!). Почти половина отведенного времени уже прошла, а у него еще и конь не валялся.

Задумавшись, Костя не сразу понял, что шлюпка уже подошла к самому борту крейсера. Может, и хорошо, что не заметил. Представил, каково бы было, если бы не они подошли к крейсеру, а «Аврора» надвигалась на них. Представил — содрогнулся.

Наплывающая громада, величиной с трехэтажный дом — зрелище не для слабонервных!

— Эй, на крейсере! — крикнул Кулибин, сложив руки в виде рупора.

Над бортом показалась голова в бескозырке.

— Кто такие? Что надо? — проорал в ответ «аврорец»*.

— Специальный комиссар из Смольного! С мандатом! — отозвался Степан.

Голова скрылась, раздался звук, похожий на звук свистка.

— Чего это они? — удивленно спросил Костя.

— Як шо? — пожал Охрименко плечами. — Увахтенного начальника свышшэт. Щас увахтенный начальник увыйдит, яму усе и скажешь.

А Степан Кулибин уважительно добавил:

— На «Авроре» не забалуешь. Все, как в прежнее время. Матросы службу тянут, офицеры командуют. А коли кто из братвы возникать не по делу начнет, так ему судком такой пистон вставит, неделю на задницу не сядешь. Там такие морячки есть, кто еще при Цусиме с японцами дрался.

— И что, в феврале у них никаких эксцессов не было? — поинтересовался Константин. Хотел поправиться, но матросы поняли, что такое «эксцесс».

— Та ни, было чуток, — хмыкнул Охрименко. — Командера вбилы, та сташихо охувицыра штыком у шею подранили — и усе.

— Так за дело, — рассудительно сказал Кулибин, вытаскивая из-под полы бушлата кисет.

Сворачивая «козью ножку», сообщил:

— Командир-то — дракон первостатейный был. Он в морячков первым и стал стрелять, а старший офицер ему помогал. Убили кого-то да подранили двоих или троих. Вот команда-то и взбаламутилась.

Сверху упал веревочный трап и разговор прервался. Костя, мысленно перекрестившись, полез наверх. Под сдержанный хохоток матросов, с грехом пополам, но добрался до самого верха, где его встретили двое — первый, совсем еще молодой в черной шинели без погон и фуражке без кокарды, и второй — в матросском

* Так! В те времена говорили именно «аврорец», а не «авроровец».

бушлате, бескозырке и с красной повязкой на рукаве.

— Вахтенный начальник мичман Демин, — вскинул руку под козырек офицер. — Попрошу вас доложить о цели визита.

— Товарищ Демин, сколько вам можно напоминать, — укоризненно сказал матрос. — Отдача воинской чести, равно как и воинские звания, отменены!

Костя крикнул (у самого рука непроизвольно дернулась к козырьку кепки) и полез в карман за мандатом. Вытащив «верительную грамоту», решительно произнес:

— Специальный комиссар Иванов, с мандатом от товарища Троцкого.

— А... — поскущел вахтенный начальник и кивнул тому, с повязкой:

— Боцманмат, проводите э-э товарища Иванова к машинисту первой статьи Бельшеву. Виноват, к комиссару Бельшеву.

Еще раз откозыряв — на сей раз шутейно, мичман Демин ушел.

— Захаров, секретарь судового комитета, — представился матрос с повязкой. — Пройдемте, товарищ комиссар. Судовой комитет теперь в кают-компании заседает.

Пока шли по палубе, а потом спускались по трапам, Захаров виновато пояснял:

— Демин, моряк хороший и вахтенный начальник добросовестный. Но старорежимный он. Не может привыкнуть, что перед ним в струнку не тянутся и «благородием» не величают. А так на матросов никогда лишнего не нагружал, но и спуску не давал. Правильный офицер.

В кают-компании, волей судьбы ставшей революционным штабом крейсера, накурено было изрядно. В сизом табачном дыму (хорошо еще, не махорочном!) лица «комитетчиков» угадывались с трудом. Дело не спасали открытые настежь иллюминаторы. Казалось,

они не вытягивали дым, а лишь втягивали в себя октябрьскую сырость. Но в остальном была чистота и порядок. Никто не гасил бычки о полированную столешницу и не топтал их каблуком на полу — аккуратно складывали в снарядную гильзу.

Впрочем, пристрастие матросов к «табакокурению» было на руку Константину. Никто не обращал внимания на то, что товарищ Иванов держит в руках зажигалку, поворачивая ее то так, то этак. («Ох, типажи колоритные! Голливуд с Михалковым отдыхают!»)

Из «комитетчиков» Костя запомнил лишь комиссара «Авроры» — товарища Белышева и письмоводителя — Душенова.

«Душенов, Душенов... — попытался вспомнить Костя. — Где-то я уже слышал эту фамилию?»

Но в свою журналистскую бытность сквозь уши было пропущено столько фамилий, что упомянуть всех и вся было никак не возможно.

Больше всего Константин опасался, что ему придется сейчас объяснять морякам — зачем это понадобилось вводить морской корабль в реку. К счастью, высокие материи и вопросы стратегии-тактики судком не интересовали. Раз Петросовет сказал «надо», значит — надо! У моряков были свои, чисто технические заморочки.

— Что скажете, товарищи, — обвел взглядом собравшихся Белышев. — Сможем ввести крейсер в Неву?

— В Неву-то ввести — полдела, — обронил один из «комитетчиков», по виду — самый старший из присутствующих. — Вводили, да и не раз. А как с места сдвинуть?

Константин не очень понимал, в чем тут проблема? Запустили двигатели (или что там у крейсера внутри?) и — полный вперед, в историю! Чуть было не ляпнул, что два года назад французы «Мистраль» в Неву заводили. Мало того что заводили, так еще и разворачива-

лись. А вертолетоносец — это такая дура, что крейсер по сравнению с ним игрушкой покажется!

Но моряки знали, о чем печаль.

Захаров, который боцманмат и секретарь судового комитета, глянув на недоуменное лицо представителя Петросовета, сжалился:

— «Аврора» у заводской стенки почти год простояла. Под днищем речной ил скопился, песок. Упрется днищем — с места не сдвинешь. Фарватер нужно промерять. Может, землечерпалку надо вызывать или буксир. Делов на двое суток, не меньше.

Белышев, услышав последние слова Захарова, покачал головой:

— Нет у нас двух суток. Товарищ Иванов, во сколько крейсер должен стоять у моста? В семнадцать часов? Так...

— Надо фарватер мерить, — подсказал Захаров.

— Добро, — кивнул Белышев. — Вот ты, Сергей, этим и займись. Прямо сейчас, бери шлюпку, людей. Ну, не мне тебя учить.

— Понял, — кивнул Захаров и ушел.

— Что ж, — решительно сказал Белышев, поднимаясь и подгребая к себе бескозырку. — Нужно к командиру идти.

— Егорыч, — кивнул он старшему из присутствующих. — На тебе машинное отделение. Прикажешь от имени судкома — пусть начинают прогревать котлы. Уголька хватит. Товарищ Иванов, вы со мной?

«Товарищ Иванов» кивнул.

— Душенов, Костя, ты тоже со мной, — велел Белышев.

«Костя... Константин Душенов! — вспомнил вдруг гость из будущего. — Лидер российских националистов, получивший три года за разжигание межнациональной вражды и... за что-то там еще. А ведь и точно — его дедушка, Константин Душенов, был моряком-«авроровцем»...»

...Журналист, устанавливая треногу, начал беспокоиться. Впрочем, успокаивал себя тем, что времени до сигнала еще предостаточно. Вот бабахнет «Аврора» и побегут солдаты и матросы на штурм «Зимнего»!

Жаль, нет второго оператора, который бы снимал исторический залп. Но не раздвоиться же! Хотя все равно должно получиться нечто особенное. Не хуже, чем в старом черно-белом фильме.

Он снова вспомнил кадры из фильма «Ленин в Октябре»: перед входом в Зимний дворец — баррикада, за которой отстреливаются вооруженные до зубов офицеры, юнкера. Винтовки стреляют, бьют пулеметы. А тут еще появляется броневик, который «косит» наступающих до тех пор, пока какой-то матрос не подорвал его гранатой!

Бах! Броневик горит!

Как красиво смотрелась решетка арки, облепленная матросами и красногвардейцами! Человеческое море, захлестнувшее Дворцовую площадь.

Атакующие, невзирая на потери, ворвутся-таки во дворец и покажут всем кузькину мать!

«Стоп. А кого они штурмовать-то станут?» — спохватился Константин. Тут только до него дошло, что решетка в арке открыта. Если утром перед ней стоял караул из юнкеров, то теперь оный отсутствовал.

Костя вошел в арку, вышел на площадь. Ну, конечно... Нет даже и намека на баррикады, а у Александрийского столба кучковались матросы, отмахиваясь от голубей, гадивших не только на памятник, но и на бескозырки.

— Ну как, товарищ Иванов, все в порядке? — услышал Константин за спиной знакомый голос.

Увлечшись наблюдением, он не заметил, что сзади подошел улыбающийся Лев Давыдович в котелке, в сопровождении небольшой свиты: трех солидных граждан в кепках, двух революционных моряков в бескозырках и Таечки в берете.

— А что там дальше будет? — поинтересовался Костя, едва не добавив — «по сценарию».

— !? — посмотрел Лев Давидович на Таечку.

Барышня, вытащив из муфточки небольшой блокнотик, отрапортовала:

— В двадцать один тридцать пять в Петропавловской крепости зажгут красный огонь. По данному сигналу с крейсера «Аврора» последует выстрел, который послужит сигналом для захвата Зимнего дворца.

— Ага, — кивнул Костя.

— Кстати, у вас, Константин Петрович, очень удобная одежда... Кожаная куртка. Просто и мужественно... Где купили? У авиаторов или у самокатчиков?

Костя хотел рассказать на ходу придуманную «легенду», что приобрел «кожан» на рынке, но не успел и рта раскрыть, как его опередила Таечка.

— Изыщем! — сообщила она, за что была удостоена благосклонного кивка патрона.

Лев Давидович вытащил из кармана внушительные часы, щелкнул крышкой:

— Однако уже время...

— Лев Давыдович, — спохватился Костя и махнул рукой в сторону арки. — А где все? Где отряды повстанцев? То есть я хотел сказать — восставших.

Троцкий не успел ответить, как с крейсера бабахнуло...

На бумаге пишется легко — «бабахнуло». А как описать звук выстрела? Смрадную от непрогоревшего пороха взрывную волну, ударившуюся с чердака Зимнего дворца, выхлеставшую все окна и раскидавшую народ по площади? Воздух, в мгновение ока ставший горячим и сухим, словно не питерская сырость, а сухая сауна, доведенная до самого «не могу»?

Костя обнаружил себя лежащим в обнимку с киноаппаратом. В голове гудело. Не оглох только потому, что рот был открыт.

Встав на колени, трясущимися руками открыл крышечку, маскирующую видеокамеру. Разумеется, тонкая японская электроника не выдержала! Не горела ни красная, ни зеленая лампочки.

Константин порадовался, что накануне у него хватило ума заменить карту памяти. Ну, оставались еще камеры в пуговицах, в зажигалке. Как-нибудь да и удастся доделать «репортаж».

Привстав на колени, огляделся. Вся Дворцовая площадь была засыпана мертвыми голубями, по которым и пришелся удар. Людям, которых зацепило только краем, повезло больше. Кому-то разбило лицо, помяло руки-ноги (может, и переломы были), но убитых не было видно.

Народ начинал потихоньку вставать.

— Чем это они зафигачили? — спросил Костя вслух, не рассчитывая на ответ, но услышал:

— Фугасом, а чем же еще?

Рядом поднимался кашляющий Троцкий.

Откашлявшись, Лев Давидович нащупал слетевшее пенсне, протер стекла платочком. Нацепив его, нахохлился, став похож на важного индюка.

Поискал что-то взглядом, покачал головой. Не Тачку ли выискивал? А, нет. Была причина поважней: у председателя Петросовета слетел с головы котелок.

— Так вроде холостым должны были выстрелить? — недоуменно протянул Костя.

— Должны, — согласился Троцкий. — Я Бельшеву приказ посылал — стрелять холостым. А он в ответ — на «Авроре», мол; только бронебойные, шрапнельные да фугасные. Да и негоже крейсеру первого ранга таким баловством заниматься, отродясь холостыми стрельбу не вели. Воробья не испугаем, а ствол полдня драить будем.

Костя вскинул глаза в сторону Зимнего дворца и присвистнул — четверть крыши, если не больше, как языком слизнуло. Дела...

— Пустяки, — проследив направление его взгляда, сказал Троцкий.

— Вдруг зацепило кого? — предположил гость из будущего.

— Не переживайте. Уверен, что обошлось, никто не пострадал.

— Откуда вы знаете?

— Да вот... знаю. Вы тут давеча про охрану дворца интересовались. Я еще днем послал Антонова-Овсеевко, чтобы он попросили караул уйти. Они и ушли. Зачем нам лишние жертвы?

— Логично, — кивнул Костя без особого энтузиазма.

Камера-то все равно «полетела», а скрытыми много не наснимаешь.

— Что тут у вас? Сломалась? — кивнул Лев Давидович на камеру и, не дожидаясь ответа, позвал:

— Таечка!

Как ни странно, но верная секретарша не отозвалась.

Костя на месте Льва Давидовича уже помчался бы искать верного оруженосца. Но тот лишь брюзгливо хмыкнул:

— Вот, всегда так. Когда кто-то нужен — не дозовешься. И куда же она запропастилась?

— Может, случилось что? — предположил гость из будущего.

— С Таечкой? Бросьте, молодой человек. Наша Таечка в огне не горит и в воде не тонет. Что с ней станется?! Впрочем, вот и она. Я же говорил! — торжествующе произнес Троцкий.

На Таечку было жалко смотреть — изорванная в нескольких местах одежда, без берета, волосы всклокочены. Хорошенькая мордашка, измазанная грязью и кровью, была в ссадинах. Не иначе — «вспахала» личиком площадь.

По уму, девушку следовало отправить к врачу, чтобы тот хотя бы обработал раны, но Лев Давидович только покрутил головой и поцокал языком.

— Таисья, с вами точно все в порядке? — сострадающе поинтересовался Костя, хотя видел, что пишбарышня ведет себя стоически: в обморок не падает, истерику не закатывает. И это с ее хрупкой внешностью.

— За меня не переживайте.

Девушка бросила взгляд на пострадавшую камеру.

— Нужно Бонч-Бруевича позвать, — хмуро сказала она, а когда Лев Давидович вскинул брови выше пенсне, пояснила:

— Владимир Дмитриевич мне «Ундервуд» ремонтирует. А маме он «Зингер» починил.

— А примусы он не починяет? — мрачно поинтересовался Костя.

— Можно спросить, — пожал плечами Троцкий, не оценив юмора.

Да и как он мог оценить, если Булгаков еще не написал «Мастера и Маргариту»?!

Между тем Таечка уже привела Бонч-Бруевича — симпатичного дяденьку с густой бородой и круглых очках, за которыми прятались глаза — добрые и отзывчивые, как у сельского батюшки.

Костя не видел фотографий Бонч-Бруевича, но помнил, что его именем назван университет, имеющий отношение к тому делу, которым он занимается*. Но он сомневался, что профессор сможет починить японскую технику. Тем более что ее и демонстрировать-то было нельзя, дабы не вызвать лишних вопросов.

Владимир Дмитриевич слегка прихрамывал и держался за бок (тоже, видать, не поздоровилось), но был бодр и энергичен. Нимало не смущаясь, взял «кино-

* Здесь наш герой ошибается. Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М. А. Бонч-Бруевича назван в честь выдающегося ученого, создателя радиовещательной станции им. Коминтерна. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич был историком и этнографом. К слову — один из немногих «старых большевиков», переживших репрессии и умерший своей смертью.

камеру», хорошенько встряхнул и, стукнув кулаком по фальшивому кожуху, прикрывавшему «катушки», вернул владельцу:

— Ну-с, молодой человек. Проверьте.

Костя хмыкнул, скептически пожал плечами и украдкой отодвинул крышечку. К немалому удивлению обнаружил, что зеленая лампочка загорелась. Работает!

— Ура! — крикнул Костя, начиная вращать рукоятку.

— Вот и славно, — обрадовался Троцкий. — Теперь вы можете снять, как наши товарищи — рабочие, матросы и солдаты — занимают Зимний дворец. Вот, кажется уже все пришли в себя. Можете заодно зафиксировать для истории, как формируется новое правительство.

Троцкий уже повернулся, чтобы уйти, как Костю осенило:

— Лев Давидович, а как же батальные сцены? Ну, пришли. Ну, захватили. И все? Банально.

— А что бы вы хотели? — обернулся «лев революции».

— Как что? — вскинулся Костя. — Ну, что-нибудь такое...

Как назло, подобрать нужных слов он не мог. На ум пришли лишь стихи из очень старого стихотворения.

Положив камеру, гость из будущего продекламировал:

Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу.
Рабочий тащит пулемет.
Сейчас он вступит в бой.
Висит плакат: «Долой господ!
Помещиков долой!»

Октябрь! Навеки свергли власть
Буржуев и дворян.
Так в октябре мечта сбылась
Рабочих и крестьян.

— Bravo, молодой человек! — захолопал Лев Давидович. — Блестящий экспромт! Неужели прямо сейчас сочинили?

Костя смущенно потупил голову. Не станешь же объяснять, что автором является человек, который еще только-только родился. Кажется, Сергей Михалков — ровесник революции*?

— Я думаю, — сказал Бонч-Бруевич, — эти стихи нужно напечатать в нашей газете.

— Вместе с репортажем о штурме Зимнего дворца и фотографиями боя между красногвардейцами и юнкерами! — подхватил Костя. — И фильмы, в которой товарищ Троцкий со своими соратниками ведет революционные отряды.

— Что ж... — задумался Троцкий. — Значит, нужно сотни две или три атакующих...

— Лучше — больше, — вмешался Костя. — Тысячу! Нет, тысячи две... И в оборону кого-то ставить придется. Баррикаду бы какую. Хотя бы трамвай перевернуть...

— Трамвай сюда тащить хлопотно выйдет. Ну, что же делать... Сейчас что-нибудь придумаем, — хмыкнул Троцкий и повернулся к Таечке:

— Где там все бездельники? Подвойский? Антонов-Овсеенко? Отдыхать ушли? Тогда всех остальных сюда. И командиров отрядов, как их там... красногвардейцев, ко мне! Нечего им по площади болтаться!

— И на «Аврору» опять идти надо, — вздохнул Костя. — Плохо стрельнула.

Троцкий и Таечка удивленно уставились на него.

— Нет, — поправился он, — стрельнула-то она хорошо, качественно. Только переснимать придет-

* На самом деле Сергею Владимировичу уже исполнилось четыре года. Но написать стихотворение «В музее Ленина» он еще не мог.

ся. Как, Лев Давидович, насчет «Авроры»? Даете добро?

— Ну, товарищ Бельшев. Ну, Александр Викторович, ну — пожалуйста... — канючил Костя, словно ребенок, выпрашивающий у мамки еще одну жвачку. — Всего разочек и стрельнуть-то надо.

С Троцким было решено так: пока «Лев революции» готовит народ к штурму и обороне, товарищ Иванов смотается на «Аврору» и договорится о новом выстреле. Писать какие-то распоряжения председатель Петросовета категорически отказался. Мол, мандат комиссара у вас есть, вот и действуйте...

— Да вы чего, ребята?! — возмущался председатель судебного комитета «Авроры». — Совсем охренели?! Мы что — в цирке? Евдоким* в чердак цельный фугас засадил — мало? Вон, половина крыши слетела!

— Ну, — замялся Костя. — Не мало, но на пленке-то не запечатлелось. Я же думал — народ на штурм пойдет, там и снимать стану... А теперь вот с товарищем Троцким договорился — он людей собирает на штурм.

— Комиссар, забодал ты меня! Исчезни! За борт выкину!

— Нехорошо получится, — не отставал Костя. — Люди на штурм придут, а штурма-то и нет. А почему нет? Да потому что «Аврора» не стреляла!

— Слушай, — «проникновенно» сказал Бельшев, беря Константина за грудки. — Вы там с товарищем Троцким хренью маетесь, а мы в бой пойдем. Завтра отправят — и что? От немца чем отбиваться будем? Мандатом? В бою каждый снаряд на вес золота! Я, конечно, Льва Давидыча уважаю как старого большевика, который полжизни по тюрьмам и ссылкам провел. И уголек он очень вовремя нам подбросил. Но так скажу — а не пойдешь ли ты, товарищ Иванов, вместе с товарищем Троцким к едреной матери, да на паровом катере?!

* Евдоким Огнев, комендор «Авроры».

Константин, по своему складу характера, был мягким человеком. Но когда его посылали, да еще «по матери» и хватали за грудки, начинал звереть.

— Слушай ты, дятел в бескозырке, ты на кого хвост поднял? На самого товарища Троцкого! Да я тебя щас в палубу закатаю, волк ты педальный! — выдал Костя тираду.

Ухватив Бельшева за руку, он вспомнил прием самбо, которому его научили в глубоком детстве. Увы, ухватить-то ухватил, но «провести» прием не удалось. То ли неправильно учили, то ли силенок не хватило. Руки у председателя судкома были как чугуны.

Наверное, окажись на месте Бельшева другой человек, в палубу «закатали» бы самого Костю. Но председатель судового комитета был незаурядной личностью. Вместо того чтобы «накатить» комиссару Петросовета хороших «звездюлей», он начал смеяться.

— Как там — дятел в бескозырке? Волк педальный? Надо запомнить, — отсмеявшись, сказал Бельшев. Потом добавил:

— А вот стрелять мы больше не станем. Прости, товарищ Константин, но нам еще с немцами воевать. Хотите стрелять — привозите снаряд. Персонально для вас на нем надпись сделаем: «Смерть мировой буржуазии!» А нет снаряда — извините!

— А если воевать не придется? — поинтересовался Константин. — Вы этому сильно огорчитесь?

— Хм... Ты, комиссар, где таких дураков видел, чтобы они этому огорчались? Только война-то еще не закончилась.

— Скоро закончится, — пообещал Константин.

Из той истории он помнил, что после революции крейсер в боевых действиях не участвовал.

— Товарищ Бельшев, — поддержал «полпреда» Петросовета его тезка — Константин Душенов. — Может, из зенитки стрельнуть? К зениткам у нас снарядов много. Даже больше, чем нужно.

«А разве уже были зенитки? — удивился Костя. — Против кого, интересно?»

— Хрен с тобой, — сдался-таки Бельшев. — Вам ведь без разницы, из чего стрелять будем?

— Мне, самое главное, чтобы красиво было! — возликовал Костя. — Еще мне бы «аврорцев» с собой взять, десятка два.

И, опасаясь, что Бельшев его не поймет, торопливо пояснил:

— Я их в первых рядах сниму. Впереди — Троцкий с маузером. За ним — «аврорцы» с винтовками! И ленточки. Тоже крупным — «Аврора»! И все кричат: «Ура! Даешь мировую революцию!»

— Ну да, а то, что кричи — не кричи, все равно не слышно, — хохотнул Душенов.

Костя вспомнил, что фильмы были еще немymi. Ничего. Этот «немой» будет говорить!

— Добро, — вздохнул Бельшев. — Хрен с тобой. Вон, Душенова старшим возьмешь, с командой. Пусть кричат, если глотку не жалко. Сигнальщика не забудьте. Еще что? Все?

— Так точно, все.

— Когда стрелять?

— Когда... — призадумался Костя. — Ну вот, Зимний возьмем, тогда и выстрелите...

...Не зря Льва Давидовича Троцкого называли величайшим организатором. Костя не помнил, где вычитал это, но, наблюдая, как к Дворцовой площади тянутся извозчики, везущие пустые бочки, дрова, мешки и всякий крупнокалиберный хлам, годный для возведения баррикад, сам был готов написать эти строки! За какой-то час тот умудрился организовать то, что делается месяцами!

В принципе, для съемки хватило бы одной-двух баррикад. Но их поставили столько, что перегородили всю площадь.

«Хуже не будет!» — решил Костя, привычно фиксируя все, что попадало в объектив камеры: юнкеров с

ружьями, солдат с самокрутками, женщин с ящиками. Одно плохо — слишком часто вместо осмысленных слов придется накладывать «Пи-пи-пи».

За баррикадами стояли и сидели понурые мальчишки в погонах, женщины в военной форме, из-под которой вылезали бинты (у некоторых рядом лежали палки), солдаты на костылях, а один, с погонами штабс-капитана — вообще прыгал на протезе!

Тут же суетились люди в полувоенной форме, которые объясняли, что стрелять нужно будет поверх голов.

Как понял Костя (и не ошибся!), Лев Давидович приказал выгнать и занять места «оборонявшихся» курсантов — тьфу ты, юнкеров военных училищ и «ударниц» — выздоравливающих женщин из «батальона смерти».

Константин Иванов шествовал рядом с Душеновым, во главе небольшого, но спаянного отряда матросов-аврорцев, чувствуя прилив гордости.

Еще немного и он заорал бы, как та лягушка: «Это я все придумал!» Но опасался — не побили бы.

Перед аркой уже толпились «статисты»: красногвардейцы, матросы и солдаты.

Народ отчаянно матерился, не понимая, на кой э-э... ляд их сюда пригнали?

Сквозь толпу полз слушок, что в Зимнем дворце всем непременно нальют. Мол, в подвале вина — до какой-то там матери.

Но большинство сомневалось. Дескать, временные министры, только и делали, что винище хлебали. Мол, все уже сами вылакали и трудовому народу не осталось. Но все равно хотели проверить.

— Я в этот подвал спущусь, проверю, а ежели там ни хрена собачьего нет, так в бочку министров-капиталистов и запыжу! — бодро заявил какой-то «мореман», которого изрядно «штормило», несмотря ни на какие «сухие» или «мокрые» законы.

— А коли полные бочки? — поинтересовался у моряка дедок в овчинном тулупе наизнанку, с охотничьим ружьем за спиной.

— Ох, папашка! Возьму я себе бочечку, закачу ее в уголок, да там жить и останусь! — икнул матрос.

Увидев Костю с камерой, радостно заорал:

— А вон, фотограф канаает, щас он меня и запечатлит! Эй, братишка, сюда дуй! Ставь свою хренотень и сфоткай, как Леха Щеголев Зимний пойдет брать!

Костя с удовольствием сделал бы «эпизод», да время поджимало. Уже одиннадцать часов!

Вообще, кинокамера на плече, штатив и матросы за спиной делали Костю важным персонажем.

К нему то и дело подходили люди и что-нибудь спрашивали, мешали идти. Хорошо, что Душенов — где словом, а где прикладом — не позволял отвлекать комиссара.

— Слышь, мил-человек, — обратился к Косте молодой солдат. — Чего тут творится-то, а? Сижу я в казарме, раны, как лекарь велел, залечиваю, а тут — на тебе! Говорят, хватай винтовку и беги...

Костя, торопившийся отыскать Троцкого, опешил и встал как вкопанный. Что-то такое он как-то слышал. Да и лицо солдата ему показалось знакомым.

Ну, еще бы! Не каждый раз увидишь свое отражение, помолодевшее лет так на пятнадцать.

— Вас, товарищ солдат, как зовут? — робко спросил Костя.

— Константин я, Петров, сын Иванов, — слегка удивился солдат. — А че такое? Спросить нельзя?

— О, так он, товарищ комиссар, твой полный тезка, — удивился стоящий рядом Душенов. — Ладно, служивый. Ты лучше скажи, товарища Троцкого не видел?

— Вон он, — махнул рукой солдат. — Так че нас пригнали-то?

— Коли пригнали, значит — так надо! — веско изрек Душенов, озираясь по сторонам.

— Слышь, товарищ, а ты кто такой будешь? — между тем спросил солдат, оглядывая Костю с головы до ног. — Ежели не господская бы одежда, так вылитый Митька, братец мой старшой.

Костя не знал, что сказать. Только стоял и смотрел.

А что тут скажешь? Что ты, служивый, доживешь до глубокой старости? Пройдешь Гражданскую, финскую, Великую Отечественную? Нарожаеть детей, дождешься самого последнего внука? Будешь глухо, по-стариковски, ругаться, наблюдая по телевизору, как очередная престарелая сволочь подносит «дорогому Леониду Ильичу» маршальские звезды или орден Победы, снятый с мундира маршала? Умрешь в девяносто с лишним, не дожив до того дня, когда то, за что ты воевал в семнадцатом, а потом и в двадцатом, будут обливаться грязью. И, самое поганое, что в этом принимает участие твой внук.

Костя растерянно посмотрел на своего деда, не зная — то ли сунуть ему оставшиеся деньги (часть он уже отдал матросам) или отмахнуться. Иди, мол, солдатик, своей дорогой.

Пока думал, Душенов потянул его за рукав:

— Вон товарищ Троцкий. А с ним — товарищ Антонов, который Овсеенко. И еще кто-то.

К удивлению Кости, рядом с Троцким не было верной Таечки. Наверное, выполняет какие-то специальные задания!

Когда подошли поближе, то слышали, как Антонов-Овсеенко, из-за пышных усов и длинных волос более напоминавший анархиста, а не большевика, что-то недовольно выговаривает Троцкому:

— Лев Давыдович, что за самостийность? Зачем вы вытаскиваете людей на улицы, не согласовав с ВРК?

— Как сказал бы наш общий друг, вы, батенька, далеко не пгавы, — хохотнул Троцкий, пародируя кого-то очень знакомого. — У меня не было вгемени на бюгокгатические пговолочки!

Костя невольно замедлил шаг, не желая стать свидетелем «разборки» между начальством. По опыту знал, что они этого не любят.

Но Троцкий уже приветливо махал ему рукой — подходите, мол.

— Здравия желаю, товарищ председатель Петросовета! — нарочито бодро поприветствовал Константин «Льва революции».

— И вам — того же, — отозвался Троцкий, а Антонов-Овсеенко, «выцепив» взглядом Душенова, немедленно начал «докапываться» до «аврорца»:

— Душенов, ты вроде бы на «Авроре» секретарь судового комитета? Кто давал команду стрелять по Зимнему дворцу?

— Так и всего-то один раз шмальнули, — пожал плечами Душенов. — Подумаешь, крышу снесло. Стройматериалы дадите, так за день сами и починим.

— Ты что, братец, совсем дурной? — вызверился Антонов-Овсеенко на матроса.

Товарищ Антонов-Овсеенко когда-то был подпоручиком Овсеенко. И хотя в начале русско-японской войны скинул с себя погоны и ушел в революцию*, но иногда в нем просыпались офицерские замашки. Причем не самые лучшие. С революционными матросами в таком тоне говорить не следовало.

— Вы, товарищ, полегче на поворотах, — заиграл желваками Душенов. — Я вам тут не дух-первогодок. Решение о выстреле принималось судовым комитетом, по команде комиссара Петросовета.

— Это что за самозванные комиссары выискались? — продолжал орать Антонов-Овсеенко. — Я никаких комиссаров на «Аврору» не посылал!

— Почему «самозванные»? — обиделся Костя и полез в карман.

Вытащив бумагу с автографом Троцкого (цены ей нет!), потряс перед глазами Антонова-Овсеенко.

* Говоря проще — дезертировал.

— Вот мой мандат за подписью товарища Троцкого, председателя Петросовета. А вы сами-то кто вообще?

От такой наглости Антонов-Овсеенко опешил, а Костя, вспомняв главную заповедь репортера о том, что нахальство — второе счастье, усилил натиск:

— Может, вы вообще постороннее лицо, которому тут делать нечего. Предъявите-ка документы!

— Ну, знаете! — возмутился Антонов-Овсеенко, потряхнув пышной гривой волос.

— Вот именно, что я вас не знаю! Товарища Троцкого знаю. Товарища Душенова — тоже знаю. И они меня знают, — пер Костя напролом. — Может, сейчас товарищей революционных матросов попросим, чтобы они у вас проверку документов организовали? А то ишь, разорался... Бонапарт уездный.

— Да эти матросы меня сто раз на дню видели! Так, товарищи? — обернулся Антонов-Овсеенко к «аврорцам», словно искал поддержку.

Как оказалось — напрасно. Душенов, обиженный за высокомерный тон, только пожал плечами, а остальные из солидарности с товарищем стали отворачиваться.

Троцкий, наблюдая, как багровеет лицо Антонова-Овсеенко (хотя уже становилось темно) откровенно потешался. Но, в конце концов, сжалился над коллегой.

— Ладно вам, товарищ Иванов, — примирительно сказал Лев Давидович. — Этот товарищ — секретарь Военно-революционного комитета. Я могу поручиться за его личность. Да и товарищ с «Авроры», — кивнул он в сторону Душенова, — тоже подтвердит личность товарища Антонова-Овсеенко.

— Ну, если вы *лично*, — выделил Костя, — вместе с товарищем Душеновым поручаетесь, тогда — ладно.

Антонов-Овсеенко, обалдевший от наглости незнакомого субъекта, все-таки пытался снова «качать» права:

— Существуют же внутривнутрипартийные нормы! Я как член ЦК, как член Военно-революционного комитета...

— Существует еще и дисциплина. И субординация, — оборвал Лев Давидович соратника. — Военно-революционный комитет подчиняется Петроградскому совету. Если я каждый раз буду согласовывать все мелочи с членами ВРК, то мы далеко не уйдем.

— Хороши «мелочи»! — снова возмутился Антонов-Овсеенко. — «Аврора» вошла в Неву, снесла крышу у Зимнего дворца. Завтра вся антибольшевистская печать будет кричать, что Балтфлот обстреливал Временное правительство из пушек. А кто будет за это отвечать? Вы?

— Прекратите истерику! — слегка повысил голос Троцкий, и его собеседник притих. — Если будет нужно революции, то Балтийский флот расстреляет и Временное правительство, да и весь Петроград со всеми его жителями.

— А по поводу ответственности, — сказал Костя, решивший внести и свои «шесть копеек». — Настоящие большевики никакой ответственности не боятся. А если вы, товарищ э-э... Антонов-Овсеенский, чего-то боитесь, так нам с вами не по пути! Верно я говорю, товарищи?

— Верно! — отозвался повеселевший Душенев, а за ним и отряд, в двадцать глоток: — Таки точно!

Решив все-таки пожалеть Антонова (тому еще вместе с матросами на Гражданскую идти), Костя сказал:

— Ну, я считаю, что товарищ Антонов-Овсеенко — настоящий большевик. И он переживает за сохранность Зимнего дворца, потому что он — достояние республики. Будущей республики Советов, — поправился Иванов.

Конечно, времена еще были не те. Семнадцатый год, это тебе не тридцатый. Дешевым «наездом» и демагогией Антонова-Овсеенко было не пронять. Тем не менее он уже растерял свой пыл.

— Хорошо, — сдался-таки Антонов-Овсеенко. — Но

зачем весь этот спектакль? Мы же с Подвойским* сразу после заседания ревкома зашли в Зимний, поменяли караулы. Вы же на заседании сами сказали, что нужно срочно брать власть. Мы сходили и взяли. Я даже министров под арест отправил. Они в Петропавловской крепости камеры обживают. А тут — что за чертовщина? Вечером мне докладывают — Лев Давидович красногвардейцев собирает, на штурм пойдем! Какой штурм? Пушка с «Авроры» палит. Зачем пушка? А тут новая свистопляска. Костры, баррикады... Ну, что за балаган, Лев Давидович?

— Владимир Александрович, — обратился Троцкий к соратнику по имени-отчеству. — Вы про Великую французскую революцию что-нибудь помните из гимназического курса?

— Я, к вашему сведению, закончил кадетский корпус и Николаевское инженерное училище, — несколько высокомерно отозвался Антонов-Овсеенко. — Историю нам хорошо преподавали. Не хуже, чем в вашем, Одесском реальном, — «подколол» он Троцкого.

— У вас какие первые ассоциация с Великой французской революцией? — не обращая внимания на подначку, продолжил Троцкий.

— Как «какие»? — недоуменно пожал плечами Антонов-Овсеенко. — Такие же, как у всех. Французский народ ворвался в Бастилию, освободил всех жертв королевского произвола, а потом растащил ее по кирпичику.

— Вот, видите! — обрадовался Троцкий. — А если вы узнаете, что в Бастилии сидели воры и фальшивомонетчики? И саму тюрьму никто по кирпичику не разносил, а тихо-мирно продали какому-то подрядчику?

— Не может быть! — поразился Антонов-Овсеенко.

— Может-может! На самом-то деле, так оно и было, — заверил Лев Давидович. — Камнями Басти-

* Председатель Военно-революционного комитета.

лии замощены улицы Парижа. Я специально этот вопрос изучал. И Великая французская революция начиналась скучно и банально. А в конце концов сочинили красивую сказку. У нас же есть возможность сделать красивую реальность!

— Псевдореальность, — вздохнул Антонов-Овсеенко.

Слушая их перепалку, Костя с одной стороны радовался, что его мысли в несколько измененном варианте Троцкий излагал как свои. Но, поглядывая на китайские часы с подсветкой, тихо злился. Чего же медлит Лев Давидович, если у него, Константина Петровича, осталось всего три часа?

Троцкий правильно истолковал его поведение.

— Сейчас должен прибыть один товарищ. Как придет — так и начнем, — успокоил его Лев Давидович, вытягивая шею. — А, вот и он, то есть она.

Немилосердно дымя и противно сигналя, сквозь толпу продиралась помесь кареты и мотоцикла — автомобиль «Руссобалт».

Когда водитель затормозил (едва не стукнув бампером кого-то из вождей), собравшиеся узрели, что на пассажирском месте сидит Таечка.

Понятно, какого товарища ждал «Лев революции». Как же начинать революцию без верной спутницы?

Только что это девушка с собой сотворила?

— Свят-свят-свят! — произнес кто-то. Похоже, сам Лев Давидович — правоверный марксист и атеист с большим стажем.

На барышне была огромная кожаная куртка, на голове вместо шляпки — ярко-красная бандана (виноват, кумачовая косынка!), вместо юбки — огромные галифе (хорошо, что не революционные, а цвета хаки), на ногах — башмаки с обмотками.

Костя представлял себе женщину-комиссара несколько иначе. Скорее всего, по фильму «Оптимистическая трагедия», снятого задолго до его рождения.

Но кожаная куртка, подобранная по фигуре, делала тамошнюю комиссаршу вполне сексуальной. Да и актриса внешностью была вполне ничего.

— Как вам? — кокетливо повела Таечка плечиком.

По правде говоря — так себе. Но это для избалованного глянцевої красотой журналиста из будущего. А на местных... Ну на тех новый «имидж» девушки действовал очень даже шокирующе.

— Нужен маузер! — опережая остальных, выпалил Костя.

— Маузер? — недоуменно вскинул брови Троцкий.

Костя, смерив взглядом фигуру девушки (даже под курткой пятьдесят четвертого размера была заметна некая хрупкость), поправился:

— Ну, ей и браунинг подойдет.

Троцкий, обалдело смотревший на свою секретаршу (она же — референт, оруженосец и кто-то там еще) взял себя в руки.

— С оружием потом разберемся. Куртки на всех? — кивнул он в сторону «Руссобалта».

— Так точно. Для всех членов Военно-революционного комитета при Петросовете, — ответила девушка, вытаскивая из салона кожаные куртки.

— А члены ЦК? — возмущился маленький человек в пенсне.

— Яков Михайлович, — наставительно произнесла девушка. — О членах центрального комитета должны заботиться их технические сотрудники. А я работаю в Петроградском совете.

— Что значит «я работаю в Петросовете»? — разошелся маленький. — Коль скоро вы привезли форменную одежду сюда, то обязаны обеспечить ею всех членов центрального комитета партии большевиков!

— А я не член партии большевиков. Тем более лично для вас я ничего не обязана, — отмахнулась Таечка, взяв в руки одну из курток:

— Вот, Лев Давидович, для вас. Примерьте, пожалуйста.

— Нет, подождите-ка! Дайте ее мне! — закричал маленький, срываясь на визг.

Человечек в пенсне попытался вырвать куртку у Таечки силой. Но куда там!

Хрупкая на вид барышня, коль речь зашла о ненаглядном Льве Давидовиче, из гурии превратилась в разгневанную фурию!

Яков Михайлович от ее тычка едва устоял на ногах.

Неизвестно, чем бы закончилось дело, не вмешайся в ссору человек в солдатской шинели и старой мохнатой папахе, до некоторых пор стоявший в стороне. Переодень его в джинсы и куртку — типичное «лицо кавказской национальности».

— Я, товарищ Свэрдлов, тэбэ сваю отдам, — пообещало «лицо кавказской национальности». — Вазми, дарагой.

— А вы сами как? — благодарно улыбнулась девушка, не забывая при этом одевать товарища Троцкого.

— Баловство это. В шинэли теплэе, — хмыкнул кавказец.

Хотя было достаточно темно, удалось рассмотреть усы, давно небритые щеки и оспины.

Костя обмер. Так это же Сталин! Сейчас вот да как начнет репрессии проводить!

Через пару минут вся большевистская верхушка, кроме Сталина, была похожа на байкеров. Разумеется, лучше всех смотрелся Троцкий. Не иначе, Таечка тщательно выбирала ему куртку по фигуре.

— А откуда столько кожанок? — поинтересовался Костя.

Лев Давидович молодцевато выпятил грудь, заправил буйный чуб под кожаную фуражку и неопределенно кивнул в сторону Таечки. Ну еще бы! Не «Льву» же «революции» заниматься такими мелочами. Его дело — отдать соответствующее указание. А как выполнять — пусть болит голова у подчиненных.

— Со склада преображенных самокатчиков, — сообщила Таечка.

— Кого? — не понял Костя.

В его представлении, самокатчик — ребенок на самокате. Во времена его детства самокаты были простые — деревянная доска с двумя подшипниками вместо колес и палка с перекладиной, изображающей руль.

Тут до него дошло, что «самокатами» называли мотоциклы. А униформа что в начале двадцатого, что в начале двадцать первого века так и останется униформой.

Еще Константин понял, что комиссар в кожаной куртке — неперменный персонаж всех революционных (а в последние годы и антиреволюционных) книг и фильмов — не более чем штамп.

Были комиссары полков, дивизий, армий. Еще — уездные и губернские, а также ВЧК! А страшилка всех юношей от 18 до 27 лет — военные комиссары? И всего их было, как бы сказала Костина бабушка — до лучшего! Ну, где же столько курток набрать? Никаких «самокатчиков» не хватит*!

Вероятно, кожаная куртка была принадлежностью высших эшелонов власти.

Троцкий, закончив прихорашиваться, спросил:

— Что, товарищи, все готовы? Да, вот еще что, — обернулся он к Косте. — Я распорядился, чтобы на площадь и баррикады прожекторы поставили. Во-он из тех окон, — махнул Лев Давидович рукой в сторону Зимнего. — Иначе на пленке только вспышки от выстрелов да силуэты получатся... Как на штурм пойдем — их и включают. Наш инженер-электрик сказал,

* К перечню можно добавить авиаторов, экипажи броневиков и бронепоездов, а также кожаные куртки, предоставленные союзниками — Англией и США. Но отметим, что авиаторов в России было еще меньше, чем «самокатчиков», а запасы, поставленные союзниками в Мурманск и Архангельск, были этими же союзниками и вывезены. Таким образом, «кожанок» получалось не так и много.

что минут на двадцать их хватит. А дальше, если не отключить, то какие-то «пробки» перегорят и весь Зимний останется без электричества. Так что нужно за двадцать минут «захватить» дворец.

Костя был готов расцеловать товарища Троцкого. Вот умница! Конечно, спецы из Наукограда обещали, что съемку можно вести и в темноте, но лучше перестраховаться.

— Ну, если все готовы, — воздел руку Лев Давидович, как заправский полководец. — Тогда — на штурм!

— Э-э, подождите, — заволновался Костя. — Дайте я свое место займу.

— Ага, подождем немного. Пусть товарищ журналист добежит.

Костя помчался «занимать место». Добежав до Александрийского столба, оставляя за спиной баррикады, установил треногу с камерой, посмотрел в глазок (нормально!) и заорал: «Давай!»

Вначале он опасался, что может попасть под шальную пулю как с одной, так и с другой стороны. Хоть и давались инструкции бойцам, чтобы палили в небо, но кто его знает? Был он как-то на военно-исторической реконструкции Бородинского сражения. Так там увлекшиеся «белозерцы» подняли на штыки «баварца».

Но скоро Костя забыл о возможных неприятностях. Все-таки он был настоящим журналистом! А зрелище того стоило.

Вот товарищ Троцкий, размахивая маузером (где и взял-то?), произносит пламенную речь! Призывает к победе Мировой революции? А может, изрекает сакраментальное: «Ребята! В Зимнем — вино и бабы!»? Издалека не разберешь, но все равно — красиво!

Прожекторы включили вовремя. Почти вся площадь оказалась залита светом. В глазок камеры было четко видно все, что требовалось.

Впереди бегут вожди революции, а за ними революционные солдаты, матросы!

Ой, а там и Таечка попала в кадр. Неплохой кадр, между прочим.

Барышня, держа в ручонках тяжелую винтовку с примкнутым штыком (почти с нее ростом!), с трудом переставляет ножки в жутких галифе и тяжелых башмаках.

Пламенная революционерка идет в штыковую атаку!

Если крупным планом, то хорошо видно, что личико залито потом. Пыхтит, но бежит! Какой кадр! Романтик изольется слезами, а умный умрет от хохота! Да, кадр бесценный!

По какому-то наитию Костя перевел камеру на баррикаду. А там...

Народ, изначально паливший в воздух, кажется, вошел в азарт и принялся стрелять в атакующих.

Стрелять они умели. Что выздоравливающие из «ударной части смерти», что мальчишки-юнкера. Если бы им дать пару пулеметов, разместить их по флангам баррикады, так положили бы всех.

А если бы пару пулеметов поставить сверху, из окон, так страшно и подумать, что сотворили бы защитники с волной наступающих.

И Костя снова подумал, что учебники истории врут! Не могло быть таких малых потерь, если бы Зимний дворец хоть кто-нибудь да защищал! В тутошней реальности и юнкера, и «бочкаревки» пусть и стреляли, но не били на поражение. А начни целиться и попадать...

Вон, рыжая шельма из «бочкаревок» перевела ствол чуть ниже, хищно прищурила глаз — «бах!» и один из передовых матросов упал, схватившись за простреленную ногу.

«Какой кадр!» — в который раз возликовал Константин, но тут увидел, что одна из винтовок нацеливается прямо на него!

— Журналист — лицо неприкосновенное! — проорал Костя, а в ответ прозвучало что-то такое, что

опять придется заменять на «пи-пи-пи», да еще и бабахнуло. Верно, гаагских и прочих конвенций они не подписывали.

Еще одна пуля прошла между кожихом и телом.

«А ведь они, паразиты, в кинокамеру целят!» — догадался журналист.

Спасая себя и камеру, Костя спрятался за столб и встал лицом к атакующим.

Еще не легче! Вместо революционных матросов, азартных красногвардейцев и гурий (фурий?) революции вперед выдвинулось несколько флегматичных солдат, по виду — окопников, с ручными гранатами.

Вот тут Константин понял, что за всю свою жизнь, он еще ни разу так не влипал.

Но, вместо того, чтобы предаваться унынию, он схватил камеру и побежал в сторону атакующих, петляя, как заяц. Судя по тому, что за спиной бабахали разрывы гранат, а его лишь подтолкнуло взрывной волной, успел!

— Как вы, товарищ Иванов? Живы? — услышал Костя голос Троцкого.

Нет, чтобы там не писали потом биографы и историки, а трусом Лев Давидович не был.

Слетевшая фуражка (второй раз за день теряет головной убор!) высвободила высокий лоб и волнистую гриву. Сейчас он был по-настоящему похож на Льва революции. С большой буквы и без всяких кавычек. Посему вместо ответа Константин стал снимать Троцкого.

«Гранатку бы еще, чтобы взрыв, для антуража!» — подумал он, но просить об услуге не стал. Бросят ведь, чего доброго...

Мальчишки в погонах и женщины в гимнастерках бросали винтовки и поднимали руки. Рукопашной схватки как таковой не было. Наступавшие в первой волне солдаты и матросы в пылу атаки пару-тройку раз съездили по физиономиям юнкеров, но быстро осты-

ли. Все-таки мальчишки лет шестнадцати-семнадцати да раненые женщины — совсем не тот враг, которого нужно уничтожать.

Вопли красногвардейцев о том, что врагов революции нужно «ставить к стенке», были быстро пресечены матросами-«аврорцами». Небольшой отряд пришелся удивительно к месту.

Костя даже порадовался за свою догадливость.

Троцкий приказал Душенову поддерживать революционный порядок, и тот постарался на славу. Кому-то было достаточно увещевания, кому-то показали кулак, а самого задиристого пришлось стукнуть прикладом. Нет, не в глаз, а всего-навсего в грудь. Но и этого оказалось достаточно, чтобы крикуны из «непримиримых» засунули языки под мышки.

Конечно, если бы оборонявшиеся убили кого-нибудь из атакующих, был бы другой расклад. А так, оружие сдал и —свободен!

По уму, так юнкерам и «бочкаревым» следовало бы еще и деньги заплатить, по тарифу актеров массовки. Но сам Костя тарифов от «тыща девятьсот семнадцатого года» не знал, а уж большевики — тем более.

Революционный народ уже подбегал к дверям. У Кости мелькнула мысль: а не войти ли первому, да не заснять ли изнутри, как народные массы врываются в Зимний? Решил, что это будет чересчур. Народ, что соберется смотреть презентацию, не из дураков. Начнут удивляться, а там и мысли нехорошие появятся.

Он скромно дождался, когда большая часть масс вбежит во дворец, а уж потом вошел внутрь.

Костя шагал, старательно фиксируя безобразия.

В объектив попали вощенные паркетные, превратившиеся в старую циновку (превратишься тут, если по красному дереву прошлась не одна тысяча кованых сапог).

Китайские вазы династии Цинь (или — Минь?) и русские, работы фарфорового завода самого Виноградова, расколоты прикладами.

Мраморные статуи, скинутые с постаментов и зачем-то разбитые...

Императоры на парадных портретах благодаря штывкам лишились глаз, картины кисти э-э... непонятно чей кисти стали мишенями.

Тяжелые от золота и пыли парчовые шторы, вырванные из карнизов, старательно скатывались в неряшливые рулоны (не иначе, на юбки Нюркам и Дуськам).

Даже со старинных кресел домовитые дезертиры срезали кожу. Может, решили пустить обивку на сапоги или понаделать седел?

Можно потом соседу похвастаться — гляди, Митрич, а у меня сбруя из царской кожи!

Хрустальные бокалы, выдержавшие попойки «всепьянейшего и всешутейшего собора» Петра Великого, бережно оборачивались зеленым сукном («Хорошее сукнецо, бильярдное! Сам Николашка шары гонял!») и упаковывались в солдатские «сидоры». Если по дороге не пропьют, будут из хрусталя самогонку хлестать.

То, что удалось отснять Косте, хватило бы для возбуждения не одного десятка уголовных дел по статьям «Вандализм», «Умышленное уничтожение чужого имущества», не говоря уже о банальных кражах.

Как ни странно, но желания пристыдить кого-то или попытаться остановить вакханалию, у него не возникло. Более того, даже ничего не шевельнулось.

Собственно, солдаты и матросы в своем праве. Происходила экспроприация экспроприаторов! Грабь награбленное!

Хотел еще отснять, как в матросских карманах и солдатских мешках оседают золоченые безделушки, трубки из слоновой кости и старинные медали, но не успел.

— Товарищ Иванов! — окликнул его Троцкий. — Что там у нас еще? По сценарию... — хохотнул Лев Давидович.

— Что еще? — задумался Костя. — А, вспомнил! Надо еще арестовать министров Временного правительства и препроводить их на выход. Тьфу ты, его же эти, Антонов с Овсеенко, уже арестовали.

Он озадаченно почесал затылок.

— Правительство... Хм... Ладно, сейчас что-нибудь сообразим...

Лев Давидович соображал недолго. Минут за десять по Зимнему дворцу были пойманы и доставлены под «светлые очи» товарища Иванова человек двадцать в приличной одежде — костюмах и галстуках. Парочка была даже во фраках. Не иначе — какие-нибудь лакеи, гофмейстеры, дворцовая прислуга. Или заплутавшие в дебрях власти чиновники.

Всех быстренько усадили за длинный стол и положили перед каждым по стопке бумаг. (Найти бумагу было тоже не простым делом: хозяйственный народ уже успел прибрать на «козьи ножки» и самокрутки почти все листы.)

— Господа, а что прикажете делать? — недоуменно спросил один из «министров» — осанистый и борода-тый дядька, похожий на покойного премьер-министра Столыпина.

— Сидите и делайте умный вид! — приказал Костя. — Поговорите о чем-нибудь этаким, возвышенном...

— Хотя нет, не надо, — передумал журналист. — Какое там возвышенное, если вас штурмом берут?! Просто сидите и работайте с бумагами... Ну, видели же, как господа министры это делали?

— Так я и сам... — заикнулся похожий на Столыпина.

— Министр? — обрадовался Костя.

— Нет, что вы! — в ужасе замотал головой бородач. — Я столоначальник третьего департамента Министерства путей сообщений. Хотел обговорить с господином Керенским вопрос о взаимодействии с Вик-

желем. Они саботируют все наши указания. Вот, как зашел с утра, так до вечера выйти не смог.

Костя не знал, что за зверь такой Викжель*, но на всякий случай покивал и утешил:

— Ничего, еще пять минут и будете свободны. А с Викжелем большевики разберутся по всей строгости революционного времени!

Ему на этот эпизод и нужно-то было секунд десять-пятнадцать. Чтобы министры мелькнули на экране и все. Чего их разглядывать? А не то найдется какая-нибудь дотошная зараза, изучившая портреты «временных» и начнет орать о несоответствии.

«Министры» дружно закивали и принялись перебирать бумаги, старательно делая вид, что заняты чем-то важным и нужным. Чувствовалось, что создавать такой вид им было не впервой.

И когда они совсем расслабились, дверь растворилась, в кабинет ворвался товарищ Троцкий с маузером в руке.

За правым плечом у «Льва революции» стояла Таечка с винтовкой (и никто не подсказал, что штык надо отомкнуть, чтобы глаза кому-нибудь не выколоть!), за левым — революционный матрос с гранатой.

«А это-то зачем? — простонал Костя про себя. — Если рванет — мало не покажется. Всем кранты!»

Но нужно отдать должное — смотрелись все трое красиво. Даже — картинно!

— Господа министры! — величественно произнес Лев Давидович, воинственно сверкнув стеклышком пенсне. — Именем Петроградского Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов заявляю, что власть Временного правительства свергнута! Объявляю

* Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза. Накануне революции занимал твердую пробольшевистскую позицию. Во многом, благодаря железнодорожникам, отказавшимся перевозить правительственные войска, был сорван мятеж генерала Корнилова.

также бывших министров Временного правительства арестованными*!

«Эй, кто тут временные — слазы! Кончилась ваша власть!» — едва не поправил Костя Троцкого, но вспомнил, что эти слова были написаны Маяковским чуть позже.

Он кивнул дядьке с бородой — мол, скажи что-нибудь!

Столоначальник МПС затравленно оглянулся, по-нуро встал и выдал из себя:

— Что ж... Да-с... Мы вынуждены подчиниться грубой силе!

«Молодец дядька! — мысленно поаплодировал Константин. — Удачно сказал!»

— Товарищ Душенов! — позвал Троцкий, и сквозь толпу к нему протиснулся «аврорец». — От имени Петроградского совета я поручаю вам доставить министров в Петропавловскую крепость.

Душенов невозмутимо козырнул и показал «министрам» жестом — выходим, мол, в коридор.

Костя, опуская камеру, облегченно выдохнул. Вроде бы все. Или нет?

Ох ты, господи, там же еще «Аврора»! Бельшев, верно, уже все матюги сложил.

— Как, хорошо я смотрелся? — подскочил к Константину товарищ Троцкий.

Этот вопрос ему обычно задавали чиновники «средней руки» — всяческие помощники мэров-губернаторов, начальники отделов и заместители начальников управлений, еще не привыкшие к вниманию СМИ.

— Все отлично! — показал Костя большой палец. — Просто великолепно! Супер!

— А вот тавтологией не выглядело, когда говорил «заявляю», «объявляю»? — продолжал приставать Лев Давидович. — Ах да, все равно же не слышно...

* В реальной истории почти такие же слова были высказаны В.Антоновым-Овсеенко.

Константин, озабоченный тем, что нужно догонять Душенова, улыбнулся профессиональной улыбкой усталого до глубины души репортера, дежурно-вежливо произнес: «Все было органично и естественно!», попытался выскочить в коридор, но наткнулся на твердую ручку Таечки.

— Подождите, товарищ Иванов, — твердо сказала «фурия революции», удерживая его. — Сейчас вы за снимите, как Лев Давидович объявляет о низложении Временного правительства.

Передавая Троцкому какую-то бумажку, девушка вздохнула:

— Жаль, что синематограф немой.

«Уже давно не немой!» — хотел сказать Костя, но промолчал, чтобы не тянуть время.

— Товарищи, ну-ка, быстренько все столпились вокруг Льва Давидовича, — начала командовать девушка. — Только камеру не заслоняйте. Вот вы, штык поправьте! Эй ты, в папахе, отойди в сторону. Из-за тебя у Льва Давидовича тень на лицо набежала. Матрос с «Верного», пулеметную ленту поправь — на пузо съехала! Мужик в сермяге — в задний ряд отойди, чтобы дыры не видно было! Лев Давидович, возьмите обращение.

«Лев революции», взяв у Таечки листок, секунду другую вчитывался в текст и кивнул, мол, можно начинать.

— Товарищи! — принялся декламировать Троцкий, даже не заглядывая в бумажку. — Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правитель-

ства — это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян! Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

— Ура, товарищи! — восторженно-яростно заорала Таечка, пожирая глазами Льва Давидовича. — Ура!

— Ура! Ура! Ура! — закричали все так, что у Кости заложило уши.

Таечка взяла у товарища Троцкого листок и вручила его журналисту со словами:

— Вот это поставите в титры! Я тут отметила, где нужно чередовать текст и изображение. И титры делайте черными, на белом фоне. А не то — сделали как-то серые на белом, ничего не видно.

— Понял. Спасибо. Хорошо, — одним духом выпалил Костя и выбежал-таки в коридор дворца.

Выставив треногу с камерой наперевес, он неся по коридорам и этажам, повторяя про себя «Ну, кто же так строит!», пытаясь настичь «арестованных». Догнать удалось лишь на улице.

— Костя! Душенов! — заорал Константин, и его тезка с «Авроры» остановился. — Стой! Снимать буду!

Еще пара фрагментов: «аврорцы» конвоируют арестантов, угрюмые «министры». Все. Снято. Темновато, но сойдет.

— Все? — поинтересовался Душенов, готовясь к дальнейшему конвоированию.

— А этих-то чего? — удивился Костя, показывая на «арестантов». — Гони их на фиг! Нам с тобой еще на берег идти, «Авроре» семафорить. Пусть Бельше из зенитки пальнет.

— А как же приказ? — не понял матрос. — Велено же в Петропавловку вести.

— Так это так, для блезиру. То же самое, что и штурм Зимнего, — успокоил Костя не в меру дисциплинированного матроса.

— Такая же туфта, первостатейная, — сплюнул тот.

— Настоящие министры уже в крепости сидят, сухари жуют. Куда там всякий сброд держать? А потом еще кого-нибудь отловят да посадят. Места на всех не хватит.

— Я бы тоже от сухарика-то не отказался, — вздохнул Душенов.

Оглядев еще раз «подконвойных», хмыкнул:

— И то верно — на фиг! Какие они министры, если я сам вон тех двоих из каморки лакейской вытаскивал? Так что идите господа-товарищи.

Перепуганные и дезориентированные «арестанты» вначале не поняли.

— Куда идти? — поинтересовался столоничальник. — Самим, что ли, в Петропавловку идти? А примут нас там без конвоя? Может, какую бумагу дадите?

— Домой идите, — ласково пояснил Душенов. — Чего непонятного? Шевелите ножками.

— Так вроде бы ваш начальник нас арестовал. Как же теперь? Как так — взять да идти? — недоумевали арестованные.

— Начальник арестовал не вас, а министров, — объяснил Костя.

— А как ...

— Да на хрен идите! — вскипел обычно невозмутимый Душенов — В пустопорожнюю прямопроушину и трех морских котов с присвистом из-за дебаркадера, на свинтопрульном аппарате товарища Харона!

— Спасибо, гражданин матрос! — радостно отозвались «арестанты», разбегаясь по площади, как ученики после уроков.

— Вот так, — вытер Душенов пот бескозыркой. — Народ у нас сильно душевный. Особенно чиновничьего сословия. Ничего без тычка не могут. Ну что, пошли на набережную?

— Пошли, — кивнул Костя и только сейчас обратил внимание, что команда «аврорцев» изрядно поубавилась. От двадцати, что уходило с крейсера, осталось лишь пятеро.

Он поинтересовался:

— А где остальной народ?

— Где-где, — хмыкнул Душенов.

Костя уже приготовился услышать «В Караганде!» или еще похуже, но секретарь судебного комитета ответил:

— Там же, где и остальные. В подвале вино нашли. Теперь, пока все не выпьют, не выйдут. А если упьются? Мне Сашка Бельшев башку оторвет!

— Так может, ничего? Народу набежало много, — предположил Костя. — Враз все и вылакают.

— Много-то много. А вина там знаешь сколько? Романовы, небось, лет двести разные вина да наливки копили.

— Я тамотки одним глазком глянул, — вмешался в разговор один из «аврорцев». — Бочек да ящиков с бутылками — хренова туча! Весь подвал забит. — Он завистливо причмокнул языком.

— А сами-то чего? — поинтересовался Костя.

— Да мы... — замялся матрос.

— Так приняли они уже, по косушке на рыло, — засмеялся Душенов. — Тоже бы там остались, если бы я их не выгнал.

— Скажешь тоже — «по косушке»! — возмутился матрос. — Ладно, если по паре чарок.

Костя, представив себе огромный подвал Зимнего дворца, забитый бочками с вином (а кроме вина что-нибудь и покрепче имеется!) ужаснулся. Пожалуй, матросы оттуда долго не выйдут. А если выйдут — то какие? По пьяной лавочке таких делов наворотить можно — мама не горюй! Как бы еще чего, кроме взятия Зимнего, не учудили.

Пока рассуждали о бедах, свалившихся на голову несчастных моряков, не заметили, как вышли на набережную.

Костя, первоначально переживавший — а ну как их увидят с «Авроры»! — схватился за камеру. Нужно

было непременно снять пучок света, словно дорожку, идущую от крейсера по Неве и дальше.

— Слушай, тезка, а кто сигналить станет? — поинтересовался Константин, вспоминая, что Бельшев велел взять с собой сигнальщика. А если этот сигнальщик сейчас в подвале, вдрызг пьяный?

— Так я сам и просемафору, — усмехнулся Душенов, вытаскивая откуда-то два флажка. — Чай, не только бумажки умею писать. Что на крейсер-то передать?

— Слушай, а ты не можешь сказать, чтобы они фонарь выключили, а потом снова включили? Чтобы луч света так вот пошел.

— Эх, деревня, — безобидно усмехнулся Душенов. — Ничего-то вы штафирки сухопутные не понимаете! Не фонарь это, а прожектор. Сейчас передам. Только ты поосторожней. И глаза лучше прищурь.

Костя отбежал в сторону, спеша отснять шикарный фрагмент. Вспомнилась старая открытка, выпущенная к какому-то юбилею Октября: в луче прожектора «Авроры» высвечивается будущая биография страны — строящиеся дома, мамы с колясками, дети, идущие в школу. Красиво.

Прожектор погас, но темноты не было. Горели окна домов Васильевского острова, переливались речные волны.

Но когда прожектор снова вспыхнул, Костя едва не ослеп. Хорошо, смотрел не прямо перед собой, а в глазок камеры. А светофильтры сами регулируют яркость и контрастность, иначе ничего бы не вышло.

— Ну что, тезка, — услышал он голос Душенова. — Поймал «зайчиков»?

— Каких зайчиков? — не понял вначале Костя.

Потом до него дошло. В стройотряде, когда им пришлось работать подсобными рабочими на стройке, так говорили про тех, кто посмотрел на сварочную дугу без защитных очков. В глазах потом долго стояли черные пятна.

— Я ж тебя предупреждал, чтобы глаза прищурил, — укорил Душенов. — Бывало, если сдуру, так и слепли. Сам-то как?

— Да вроде, ничего, — закончил моргать Костя.

— Семафорить, чтобы выстрел дали?

— Давай!

Костя припал к глазку, мечтая поймать, не только начало выстрела, но и полет снаряда. Снова пожалел, что камера только одна. Эх, черт, не отследить весь выстрел. Ну да ладно, нельзя объять необъятное.

Выстрел зенитки прозвучал глуше, нежели из «шестидюймовки». Но все равно, звук был громким, а вспышка яркая и красивая.

Снаряд, выпущенный с «Авроры», пробил серое октябрьское небо над Невой и ушел вверх.

Снято!

Костя «на автомате» выщелкнул очередную карту памяти и спрятал ее поближе к груди. Все!

Щурясь, как китаец, снова посмотрел на часы. Пятнадцать минут второго. Осталось всего ничего: час с небольшим. Чем бы его занять?

Пойти, что ли, в Зимний дворец и попросить Давидовича, чтобы он произнес пламенную речь? Вроде как Троцкий провозглашает Советскую власть?

Найти броневик для антуража, затащить на него Льва Давидовича. Сказать Таечке, так она не броневик, а бронепоезд подгонит.

Или того хлеще... Попросить Троцкого, чтобы организовал показательный расстрел. Взять человек пять, к стенке поставить. Смотреться неплохо будет.

«Чего это я? — удивился собственным мыслям гость из будущего. — О расстреле живых людей, как о записи с пресс-конференции, думаю. Неужто эпоха начала действовать?»

Еще, задним числом Костя подумал, что основательно «лопухнулся». В Зимнем дворце можно было прихватить что-нибудь такое... интересное,

что «потянуло» бы на изрядную сумму в баксах. Или в евро.

Скажем, яичко работы Фаберже. Или — перстенок (бусики, медальончик) императрицы Александры Федоровны. Портсигар с монограммой государя Николая Второго. А карманные часы с двуглавым орлом смотрелись бы куда авантажнее, нежели китайские с подсветкой. На худой конец — игрушечная лошадка наследника престола.

Костя вспомнил о том, что «засланец» может вытащить из прошлого только пять кэгэ. Вроде немного. Но дай нашему человеку волю, он найдет возможность вытащить что-то такое, чего надолго хватит.... Хоть золото Колчака, хоть клад Наполеона...

А коль скоро этим делом займутся на уровне государства, считай, все исторические ценности прошлого будут разграблены!

«Кстати, — поймал Костя мысль. — Может, в этом и кроется загадка исчезновения Янтарной комнаты, библиотеки Ивана Грозного? Типа — госслужащие уже побывали в прошлом и все вытащили. А что? Наша братия такая, что прет все, что не приколочено. Да и приколоченное утащит».

Нет, надо бы сходить в Зимний. Не может быть, чтобы все растащили. Какую-нибудь пустяковину, что в семнадцатом стоит ломаный грош, а сейчас можно загнать за хорошие бабки!

Но идти уже никуда не хотелось. Костя почувствовал, что жутко устал. А еще представил себе, как запихивает в карман какую-нибудь антикварную мелочь и... стало противно. Такое чувство, словно с покойника часы снять или поднять старый крестик на кладбище.

Наверное, вернувшись, он пожалеет, что ничего не «прихватизировал», а пока — ну его...

И автографы Троцкого (если не проводить спектральный анализ чернил), которые можно продать за бешеные деньги, оставит себе.

Хотелось выпить крепкого чая, упасть на постель и проспать часов восемь. А лучше все десять.

И пошли подальше эти «хренонавты» с Наукограда! Как там Бельшев говорил — пошли они к едреной матери, на паровом катере!

Александр Бельшев, председатель судового комитета и комиссар «Авроры» ему понравился.

Костя попытался вспомнить судьбу легендарного матроса. Вроде «жернова» тридцатых годов его миновали. В отличие от Душенова, Бельшев дожил до глубокой старости.

Журналист загрустил. Вон, секретарь судового комитета и письмоводитель крейсера сворачивает флажки. И не знает того, что знает Костя. Что во время Гражданской будет товарищ Душенов командовать флотилией, а после нее — расти в чинах и должностях. Дорастет до главнокомандующего Северным флотом. По нынешним меркам — адмирал. Но закончится все расстрельным подвалом. Правда, до всего этого еще долго — целых двадцать лет. Точнее — двадцать один год.

В тысяча девятьсот тридцать восьмом Главкома Северного флота Душенова арестуют и будут держать в застенках целых два года. Два года допросов и пыток. А потом все равно расстреляют.

Отгоняя напавшую грусть (все равно изменить ничего нельзя!), Костя стал помогать разводить костер.

Матросы раздобыли где-то пустых ящиков, толстых поленьев (видимо, от баррикады).

Усаживаясь на какое-то полено, усмехнулся. Скажи кому, что сидел в семнадцатом году у костра на набережной Невы, напротив Зимнего — засмеют!

— С «Авроры» сообщили, чтобы до утра сидели, пока катер не пришлют, — пояснил Душенов. — Еще этих... — замялся матрос, подыскивая слово, — пьяных архаровцев искать.

Потом неожиданно спросил:

— А что, комиссар, примешь чарочку?

— Из винного погреба трофеи? — с пониманием улыбнулся Костя и протянул руку.

— В обе бери, — сказал матрос, которого Костя не знал, передавая «товарищу комиссару» котелок.

— Ого! — только и сказал Костя, забирая «чарочку» и принюхиваясь к запаху. — А тут коньячок... Не иначе — шустовский.

Не велик он был спец, но то, что так может пахнуть лишь хороший коньяк — однозначно. Хороший пахнет настоящими клопами, а у плохого всегда химический привкус.

Но в девятьсот семнадцатом коньяк еще не подделывали. А коли и подделывали, так не хранили в императорских погребах!

Про «шустовский» Костя сказал наугад, потому что герои его любимых книг, попадая в прошлое, непременно пили коньяк поставщика двора Его Величества.

— Не, не шустовский. Шустовский-то на кой ляд в бочках хранить? Шустовский сразу пить надо. Карвуазье это, — уверенно сказал тот незнакомый матрос. — Самый настоящий, выдержанный.

Костя, который в это время делал основательный глоток, едва не поперхнулся. Привык относиться к матросской массе слегка свысока в силу своего «исторического опыта», а тут поди ж ты! Простой моряк разбирается в тонкостях коньяка лучше, чем он.

Однако признаваться в том, что в обычной жизни знал лишь одну марку коньяка — «халявный», который подавался на фуршетах для журналистов, не хотелось. Как объяснить, что его зарплата позволяла лишь дешевую водку и пиво «Балтика»?

— Мирон у нас во всем французском большой спец, — засмеялся Душенов.

— Почему? — сразу заинтересовался Костя.

— Так я до войны на торговых судах ходил, — пояснил «аврорец», которого и звали Мирон. — В Марселе

бывал не раз, в Тулоне, в Монпелье. В Марселе как-то раз целый месяц торчали, груз ждали. Каждый вечер по кабакам да по кабакам. Когда пить надоело, поехал страну смотреть. До Авиньона добрался.

— А из Авиньона наш Мирон только через полгода выбрался, — заржал кто-то из матросов. — По бабам шарился!

— И не по бабам, а только по одной. Конечно, шалава была первостатейная, но в койке — огонь-баба, — вздохнул Мирон.

— Наши разве хуже? — спросил Костя, которому коньяк уже стукнул в голову.

— Как повезет. Есть и наши хоть куда. Были и француженки — бревно бревном, — рассудительно ответил Мирон. — Но эта стерва в душу запала.

— Так чего ж бросил-то? — спросил Костя. — Жил бы себе во Франции, коньяк «Кавуазье» пил, лимоном закусывал.

— Не закусывают коньяк лимоном, — снисходительно усмехнулся Мирон. — Это у нас царь Николашка придумал, так все и решили — так, мол, и надо. А французы над этим смеются. Так и называют — закуска «а-ля Николя». Лимон, он коньячный букет отнимает.

— Так чем нужно коньяк закусывать? — наострил Костя уши. Авось пригодится.

— Можно — шоколадом. А можно кофеем запивать. Кое-кто коньяк с сигарой предпочитает.

— Ну, закусывал бы коньяк шоколадом, — хмыкнул Костя. — Чего от женщины-то ушел?

— Так не он ушел, а она его бросила, — опять заржали матросы. — У Мирона деньги закончились, так баба его себе другого нашла.

— И правильно сделала, — не смутился Мирон. — На кой ляд я ей такой нужен? Ей богатеньких дурачков подавай. А деньги, стерва, тратить умеет.

Тут Константину пришла в голову любопытная мысль. Подумав, поинтересовался:

— Мирон, а ты разве богатый был? Полгода жил с женщиной, на какие средства?

— А что такого? — удивился Мирон. — Если бы мы с Женеьевой (ее так звали) в кабаках кажий божий день устриц с шампанским не пробовали, да в синематограф каждую неделю не ходили, так можно б и дольше прожить. Я ведь не палубным матросом был, а трюмным механиком ходил. Жалованье — дай Бог офицерам такое.

— А сколько, если не секрет?

— Да какой уж теперь секрет? Двести рублей в месяц, да сверхурочные, премии. Если все подсчитать — так по триста в месяц набегало.

— Ничего себе! — фыркнул изумленный Душенов. — У нашего капитана только двести рублей в месяц выходило. Я ж писарем служил, знаю. И это вместе с походными и прочими.

— Подожди, — задумчиво спросил Костя. — Если ты был трюмным механиком, так почему сейчас простым матросом ходишь?

— Ну, не совсем простым, — приосанился Мирон. — Я ж не простой механик, а кондуктор. Выше меня, кроме офицеров, конечно, только старший боцман.

Раньше Костя считал, что кондуктор — тот, кто продает билеты. А вот, поди ж ты, какие новости!

Мирон между тем грустно добавил:

— Конечно, если бы я в тот раз в бега не подался, был бы сейчас «березовым» офицером.

— Это как? — не понял Костя.

— Что значит — как? — удивился непонятливости комиссара Мирон. — А, ты ж сухопутный... «Березовыми» у нас тех офицеров зовут, у кого погоны не золотые, а серебряные. Врачей судовых, механиков, машинистов, электриков. Торговый флот, он на время войны военным становится. Соответственно, капитану судна и прочим звания военного времени присваи-

вают. Вот мне бы, наверное, «мокрого» прапорщика присвоили. А то и целого подпоручика... Но меня за побег мой с волчьим билетом из Торгфлота списали. Спасибо, что в Россию вернули...

Кто такие «мокрые» прапорщики и поручики-подпоручики, Костя догадался сам. Помнил, что в ВМФ есть звания и морские, и армейские.

Посидели еще, помолчали. «Добили» коньяк. Хотели было метнуться к Зимнему за добавкой, но Душенов не разрешил.

Костя даже удивился, что «братва» слушается бывшего писаря. Впрочем, писаря они разными бывают. А уж коль скоро «аврорцы» выбрали «писарьчука» членом судового комитета, так знали, что делали.

Сидеть у костерка было хорошо. В голове слегка шумело, зато не так сильно подводило желудок (обед, которым покормили Костю в казарме флотского экипажа, был давно усвоен, и организм требовал добавки).

Китайский хронометр показывал, что находиться в Петрограде семнадцатого года ему осталось всего полчаса. И какими-то чужеродными показались люди, подошедшие к костерку.

Незванных гостей было трое. Одного из них Костя узнал сразу. Товарищ Сталин, он же Коба. В солдатской шинели и нелепой папахе. Второй — с бородой, в фуражке и в кожаной куртке. Ну, коли в куртке, так явно из ВРК. А третий — неприметного вида субъект в гражданском пальто и кепке.

Троица подходила к костру, как хулиганы к одинокому прохожему. В центре товарищ Сталин, по краям Кожаный и Неприметный. Не будь рядом матросов и Душенова, Костя бы задумался — то ли убегать, то ли хватать треногу и бить первым!

Сталин, рассмотрев людей у костра, спросил, коверкая слова:

— Товарищ Иванов, можно с вами пагаварить?

— Можно, Иосиф Виссарионович, — ответил Костя, поднимаясь с полена.

Сам же приготовился к худшему. Ничего хорошего неожиданный визит не предвещал.

Товарищ в кожанке остался с матросами, «оккупировав» полено, нагретое Костей, и начал с ними какую-то беседу о политической ситуации в целом и вооружении крейсера «Аврора» в частности.

«Ба, так это ж Подвойский! — догадался Костя. — Председатель ВРК. А где он, интересно, болтался, когда мы Зимний брали?» Простая вещь, что штурм Зимнего был его собственной (вместе с Троцким) затеей, почему-то в голову не пришла. Подвойский мог и не знать о штурме.

Сталин, Костя и Неприметный отошли в сторону.

— Можэт, к рэке спустымся? — предложил Сталин, на что Константин сразу же замотал головой.

Отходить далеко от костра он опасался. Кто его знает — с какими намерениями пожаловали гости незванные.

— Ничего-ничего, — успокоил Неприметный Сталина. — Мы с товагищем Ивановым и тут пгекгасно поговогим!

«Елки-палки! Так это же сам Владимир Ильич! Товарищ Ленин! — пронеслось в голове у Кости. — Только где же его борода и усы?»

И тут-то он вспомнил хрестоматийную фотографию из учебника истории — «Ленин в гриме и парике».

Чего же во всех фильмах его с бородой и с усами изображают? Даже на броневику у Финляндского вокзала Ленин с бородой.

— Товагищ Иванов, скажите честно и откговенно, кому пгишла в голову мысль взять Зимний двогец? — поинтересовался Ленин.

— Вам, Владимир Ильич, — честно ответил Костя. — Вы же приехали в Петроград из Финляндии и обнаружили, что никто не собирается Зимний дворец брать. Разве не так?

— Так, — озадаченно кивнул Ленин. — Ну, а пги чем же тут вы?

— Ну, — почесал Костя затылок. — Я узнал, что вы собираетесь возглавить штурм, пошел к Зимнему и обнаружил, что никто его не штурмует. Тогда я пошел к Троцкому и уговорил его взять дворец. Вот и все. А разве плохо?

— Подождите, батенька... — заволновался Ленин. — А как вы могли узнать то, что было неизвестно даже товагищу Сталину и товагищу Подвойскому?

— Так он журналист, — хмыкнул Сталин. — Я сам давно в газэтэ работаю. Знаю, что журналисты — самые пронырливые люди.

— Товарищи дорогие! — пожал Костя плечами. — Все же случилось так, как вы и хотели. Большевики взяли власть. Разве вы, Владимир Ильич, не этого добивались?

— Догогой мой Константин Петгович — вас ведь так зовут? По вашей милости, власть захватили не большевики, а товагищ Тгоцкий! И что тепегь пгикажете делать?

— Как что делать? — хмыкнул Костя. — Сейчас ведь вроде бы съезд должен идти?

— А он уже идет. И на съезде товагищ Тгоцкий пговозглашает Советскую власть, — грустно сказал Ленин.

— Ну и пусть себе провозглашает. А вы туда придете с товарищем Сталиным. Когда начнется дележка портфелей, виноват, назначение комиссаров, предложите Троцкому пост военного министра. Лучше — комиссара, — подумав, сказал Костя. — Министр как-то по старорежимному звучит. Форму ему какую-нибудь пошьют, покрасивше. Золота побольше.

— С фогмой, Константин Петгович, вы уже хогошо пгидумали, — усмехнулся Ленин. — Бьюсь об заклад, что завтга же все склады, где хганятся кожаные куг-

тки, будут экспроприированы нашими товарищами, а кожаная куртка станет форменной одеждой новых правителей.

— Тогда фуражку с серпом и молотом. Должен же быть у республики свой символ? А вы, товарищ Ленин, станете председателем Совета народных комиссаров. За пост военного комиссара Троцкий ухватится двумя руками, а настоящим начальником останетесь вы. А еще лучше, пусть Лев Давидович комиссаром иностранных дел будет. Зря он в тюрьме иностранные языки учил?

— Владимир Ильич, журналист дело говорит, — поддержал Сталин.

— Правильно! — обрадовался Костя поддержке. — Вы же, товарищ Ленин, сами говорили — мало захватить власть. Нужно уметь эту власть удержать.

— Когда я такое говорил? — заинтересовался Владимир Ильич.

— Ну, может, когда и сказали, да забыли, — выкрутился Костя. — Или еще скажете...

— Станный вы товарищ, — задумчиво изрек Ленин. — Мало того, что сразу же узнали меня, так еще изгаекаете вещи, о которых никто не может знать.

— И мое имя-отчество сказал правильно, а его не все члены цэка выговаривать могут, — добавил Сталин.

— Вы, товарищи, лучше не спрашивайте, — взмолился Костя, опять посмотрев на часы.

Осталось десять минут...

— Много я часов видел, а таких — нет, — засмотрелся на китайский ширпотреб Иосиф Виссарионович. — Где брал, товарищ Иванов? А еще, я сматрэл — целый день ручку крутил, а пленку не разу не мнял! Так не бывает!

— Так кто вы, товарищ? — напрямую спросил Ленин.

«Умные! — скрипнув зубами, подумал Костя. — А ведь Троцкому не пришло в голову задавать мне подобные вопросы...»

И еще он понял, что Ленин со Сталиным, явившись на съезд, оттеснят товарища Троцкого от кормила (или от кормушки?) власти. А Троцкий ему даже понравился. Неплохой мужик. Умный. Все сразу понимает. Только одна беда — слишком любит покрасоваться перед публикой.

— Так журналист я, — как можно убедительнее сказал Костя. — Кое-что узнал, о чем-то догадался. А пленки у меня мало, потому и не менял. И часики эти купил у австрийского солдата. Да что вы, товарищи? Так на меня смотрите, словно я инопланетянин.

— Пгидетса повегить, — вздохнул Ленин. — Пгинцип Оккамы. Отсекаем все лишнее и оставляем только пгостые факты. Не думать же всегез, что вы — инопланетянин или гость из будущего.

— Журналысты — вэликая сила! — изрек Сталин. — А камэру, товарыщ Иванов, мне отдайте.

— Зачем? — заерепенился было Костя, но решил не обострять ситуацию.

Хрен с ней с камерой. (Читал он где-то о бандитском прошлом товарища Сталина.) Жизнь — дороже. А карты памяти все равно у него!

Иосиф Виссарионович, взяв киноаппаратуру, задумчиво взвесил в руке и хмыкнул:

— Легкая камэра... Видыл я камэры у Протазанова — тяжэлэеэ будут... Как, Владимир Ильич? Куда ее?

— А, без газницы, — отозвался Ленин. — Вон, Нева гядом...

Костя не успел ойкнуть, как камера полетела в Неву. Только бульканье — и все. Ладно, успел включить «пуговку», которая зафиксировала падение. А то — рассчитывайся потом за казенное имущество.

— Не беспокойтесь, батенька, — утешил его Ленин. — Придет время, и мы снимем самую лучшую картину о штурме Зимнего дворца. К годовому же юбилею октябрьского годового. Вечно, товарищ Сталин?

— Верно, Владимир Ильич, — радостно согласился Сталин. — Сделаем! Самый лучший режиссер найдем, да.

— Вот-вот, — закивал Ленин. — А сейчас не стоит делать товарища Троцкого главным героем годового. Скорее надо быть!

— Не должен один, даже самый авторитетный член партии, член центрального комитета выделяться! — веско добавил Сталин, поглаживая усы жестом, знакомым по множеству фильмов.

— А мне как быть? — вздохнул Костя. — Я же фильм хотел снять.

— А вам, батенька, нужно гадоваться, что не успели сделать ненужную рекламу товарищу Троцкому. Лев Давидович — очень хороший человек, но слишком много в нем такого, знаете ли, бюрократического.

— Всем делом будет стыдно, кто в фильме снимался. Не стоит делать из революции спектакль! Я бы всех, кто в этом спектакле участвовал...

Сталин не договорил, что бы он сделал с участниками «спектакля». Но догадаться было нетрудно.

Костя же сделал для себя открытие. Может быть, не совсем открытие, но на научную гипотезу тянет, стопудово!

А что если и в реальной истории имел место подобный фарс? Имитировали штурм Зимнего, а то и вовсе никто ничего не брал.

Задним числом придумали красивую сказку с чудо-богатырями. А что в итоге? А в итоге — тех, кто были настоящими вождями, поставили к стенке, скажем, как Антонова-Овсеенко или Чудновского,

или — загубили другим способом. Скажем, ледорубом по голове.

Остались лишь те, кто умел держать язык за зубами. Такие, как Подвойский и Бонч-Бруевич.

По мере надобности, одни богатыри меняются на других. Как в фильме «Октябрь» Сергея Эйзенштейна. Вроде бы революционеры играли там сами себя? Как сейчас говорят — cameo. Снимались Троцкий, Антонов-Овсеенко, Зиновьев, Невский, Подвойский*. А на пленке остался лишь Подвойский.

Зато в фильмах тридцатых годов эпизодическая роль товарища Сталина выросла в главную.

И тут до Кости дошел еще один факт, до которого он почему-то «допер» не сразу. А факт-то был очевидным. Ведь Константин Петрович Иванов — последний псевдоним товарища Ульянова-Ленина.

По документам Иванова вождь мирового пролетариата прибыл в Петроград. Обнаружив, что товарищи из Смольного не спешат брать власть, решил их поторопить...

Право слово, таких совпадений не бывает!

Костя бросил взгляд на часы. Если не врут — остается две минуты.

— Нэт, хорошие часы, — опять сказал Сталин.

Не иначе, напрашивался на подарок.

— Возьмите на память, — сказал Костя.

— Хорошие часы, — похвалил товарищ Сталин.

Полюбовался на циферблат, понажимал на кнопки, поцокал языком и... бросил в Неву, вдогонку цифровой видеокамере.

Перехватив изумленно-обиженный взгляд Кости, улыбнулся:

— Нэ бывает таких часов, дарагой! На, вазми другие. На память...

* Троцкий в фильме не снимался, так как уже был в ссылке. Его играл некий студент. Но все равно выглядел положительным персонажем. Впоследствии эпизод с Троцким был вырезан. Кажется, исполнитель роли куда-то «пропал». Зиновьева играл его брат. Тоже вырезан из фильма и «вычеркнут» из жизни.

Иосиф Виссарионович вытащил из кармана шинели шикарные золотые часы с цепочкой. Нажал на кнопку. Крышка открылась и раздалась мелодия, в которой Костя с изумлением узнал... «Боже, царя храни»...

— Музыка плахая, зато часы хорошие! — улыбнулся Сталин, вкладывая часы в руку журналиста.

Костя инстинктивно сжал ладонь. Последнее, что он увидел в этом времени — улыбку товарища Сталина...